

ОБРЕЧЕННЫЙ

А л е к с Ч е ч е н с к и й

Чеченский Алекс
Обреченный

«Автор»

2020

Алекс Ч.

Обреченный / Ч. Алекс — «Автор», 2020

Роман «Обреченный» – это история о человеке непростой судьбы, наблюдателе, исследователе человеческих душ. Он пытается устроить свою жизнь: любимая девушка, работа, ведущая его по пути добра. Но все неожиданно меняется в один день, его настигает травмирующее прошлое, которое, как ему казалось, он смог пережить. Прошлое, настоящее, будущее – что он выберет? Иногда человек не может до конца решиться на поступок, от которого зависит то, какой будет его жизнь.

© Алекс Ч., 2020

© Автор, 2020

Чеченский Алекс

Обреченный

Обреченный

Глава 1

– Ну что там? – спросил, вставляя в автоматный магазин патроны, Ибрагим.

Он сидел на полу в углу комнаты, подобрав под себя ноги. При каждом движении, когда он протягивал правую руку за очередной горстью патронов, что лежали в небольшой серой сумочке рядом, и поочередно загонял их в магазин, помогая большим пальцем левой руки, длинная густая борода его слегка покачивалась. Было видно, что он особо не задумывается над тем, что делает. Его пальцы, натренированные годами войны, работали ловко и бессознательно. Он был в боевой экипировке, и все кармашки на его разгрузке уже были полны заряженными магазинами.

Ибрагим и его товарищи знали, как быстро и неожиданно патроны кончаются во время боя, и поэтому всегда держали в домах, где они останавливались на ночлег, дополнительные боеприпасы и оружие.

В комнате лишь слышались шелчки вставляемых в «рожки» патронов. С улицы глухо доносились звуки боевой техники и суетливые окрики военных. Где-то неподалеку лаяла собака.

– Ничего особенного, – ответил здоровенный Саид, слегка отодвинув край занавески, выглядывая во внутренний двор. В правой руке он держал автомат.

Фундамент дома был на метр выше земли, и поэтому они могли свободно видеть технику, которая занимала позиции за невысокой кирпичной оградой.

– Бедняги, – добавил он, продолжая пристально разглядывать картину за окном, — все еще суетятся, как будто наша смерть обессмертит их самих.

До рассвета оставалось менее двух часов. Полумесяц тускло освещал осеннее небо.

На танках и бэтэрах были установлены прожектора, обращенные на заблокированный дом. Весь квартал в этот момент был оцеплен русскими солдатами и группой огневого взвода чеченской полиции из местного районного отдела.

В этот момент с улицы через громкоговоритель послышалось:

– Вы окружены! Бросайте оружие и выходите с поднятыми руками. В случае оказания сопротивления все вы будете уничтожены! Повторяю, бросайте оружие и выходите с поднятыми руками! Дом окружен. Сдавайтесь!

Тем временем, пока голос через репродуктор повторял требование сдаться, Ибрагим отложил последний заправленный патронами магазин в сторонку и, прислонившись спиной к стене, иронично промолвил:

– Сейчас, ты только погоди немного.

– Что-то Мурад долго, – вздохнул Саид, отходя от окна. – Они сейчас начнут штурм.

– Он все слышит... Но хорошо бы ему поторопиться, – спокойно произнес Ибрагим. А потом, немного помолчав, сказал: – Брат, значит, это наш последний день в этом мире?

– Похоже на то, – ответил Саид, опускаясь рядом с Ибрагимом на пол.

– Все эти годы мы жили, почти каждый день считая своим последним. Но сегодняшней, кажется, точно последний...

– О чем думаешь? – спросил Саид.

1

– Пытаюсь понять свое чувство безразличия, — ответил Ибрагим, с усталой задумчивостью глядя перед собой. – Это конец, а я удивительно спокоен... Нормально ли это?

– Не знаю... Знаю лишь то, что мы славную прожили жизнь. Всего этого больше не будет, и это немного печалит душу.

– Но зато там, – сказал Ибрагим, – душа не будет знать печали... По крайней мере, будем на это надеяться.

– Но там не будет радости борьбы, что мы ощущали в сложностях испытаний.

– Хватит сложностей, Саид, довольно. Там должно быть лучше. И там мы наконец встретимся с нашими братьями. В отрешенной задумчивости произнеся эти слова, Ибрагим неспешно вынул из небольшого карманчика на разгрузке маленький экземпляр Корана в кожаном переплете, раскрыл его и, проведя левой рукой по своей густой и длинной бороде, сглаживая ее, стал сосредоточенно, неспешно шевеля губами, беззвучно читать. Луч прожектора, рассеянный тонкой занавеской на окне, позволял различать буквы и слова Священного текста.

Тем временем за дверью в соседней комнате их командир Мурад попрощался со своей женой Аминой и двухлетним сыном.

Мурад, который командовал юго-западным фронтом Чечни, вместе с товарищами пришел в этот дом на окраине предгорного селения Ассиновск, что находится в зоне его ответственности, лишь пару часов назад, чтобы повидаться с супругой и ребенком. Они встречались, по возможности, раз в месяц или два. Амину с сыном сюда, из соседнего села, где она жила с матерью, привез боец джамаата¹ Мурада, который действовал на равнине. За ним спецслужбами с недавних пор была установлена слежка в надежде, что он выведет их на своего амира².

В момент, когда он, доставив по нужному адресу семью Мурада, ехал обратно, его попытались задержать на выезде из села. Но он в последний момент, чтобы не дать вражеские руки живым, произвел самоподрыв, выдернув чеку небольшой самодельной гранаты «хаттабка», которая на подобный случай была прикреплена у него под левой мышкой, ближе к сердцу.

Дождавшись глубокой ночи, когда бдительность обитателей дома ослабнет под воздействием усталости и сна, группа спецназа решила незаметно штурмовать дом. Но Ибрагим и Саид сидели на дозоре, заняв позиции один на чердаке, другой в прихожей, откуда просматривались входные ворота.

Обычно, в такое время муджахиды³ всегда проявляли особую бдительность, зная, что федералы, как правило, выбирают именно поздние часы ночи для штурма домов с повстанцами.

Когда группа захвата, прикрываясь бронированными щитами, постаралась незаметно подкрасться к дому, по ним был открыт шквальный огонь из двух стволов.

1 *Община, группа (араб.). Здесь: боевой отряд.*

2 *Командир джамаата (араб.).*

3 *Ед. число «муджахид» – воин, сражающийся за правое дело (ведущий джихад, т.е. Священную войну) (араб.).*

2

К Саиду и Ибрагиму тут же присоединился и Мурад; схватив свой автомат, он мигом выбежал из спальни, как только раздались выстрелы.

Никто в этом доме и не думал спастись, и уж тем более расслабляться.

Спецназ, оттаскивая назад своих раненных, тут же отступил.

После этого случая и стали готовиться к открытой полномасштабной операции, с привлечением сил Минобороны и местной полиции, по уничтожению засевших в доме боевиков.

К тому же столь яростный отпор создал у силовиков, которые не знали в точности, сколько человек в доме находится, впечатление, что внутри укрывается большая группа.

Отбив атаку, Ибрагим и Саид вошли в холл, а Мурад вернулся в спальную комнату, чтобы попрощаться с семьей.

Они знали, что к следующему штурму их враги подойдут более основательно. Потому и сами, достав из тайника спрятанные боеприпасы и оружие, начали к нему готовиться.

Войдя в спальню, Мурад опустился на колени и, поцеловав сына в лоб, начал говорить ему последние слова наставления, те сдержанные прощальные слова, которые отец-командир перед своим последним боем может сказать двухгодовалому сыну.

Закончив, он так же сдержанно, как-то по-товарищески, обнял его и поцеловал в лоб, после чего, обращаясь к жене, сказал:

– Когда меня уже не станет, ты им будешь не нужна. Они тебя допросят, а потом отпустят. Можешь говорить все, что знаешь, это уже не будет иметь никакого значения. Если начнут угрожать тюрьмой за соучастие, скажи, что сообщить обо мне тебе мешал страх, что боялась за себя и родных. – Мурад помолчал немного, а потом, глядя на сына, сказал: – Я хочу, чтобы основное время он проводил с моей семьей. Не препятствуй этому. А что касается тебя... Ты еще молода (ей было двадцать два), жизнь у тебя, если смерть не опередит твои годы, только начинается. И ты имеешь полное право на свое усмотрение ею распорядиться. И если ты пожелаешь связать свою судьбу с другим человеком, то я хочу, чтобы сын находился у моих родителей и рос под присмотром брата.

Амина, покорно опустив голову, молча выслушала пожелание мужа. И когда он кончил свою напутственную речь, она со спокойной твердостью в голосе сказала:

– Я остаюсь. – И глазами, полными смиренной твердости, посмотрела ему в глаза. Она потеряла отца в ходе первой российско-чеченской войны, которая получила название «Первая чеченская»; а единственный брат ее погиб всего полгода назад в составе другого джамаата. Мурад искренне любил ее и жалел. Как бы ей ни было трудно, он никогда не слышал от нее жалоб и не видел никогда ее слез. Она была и осталась для него приятной и любимой загадкой, которую ему и разгадывать не хотелось. Он знал в ней мягкость без излишней нежности, покорность без роптаний и верность. Но он также знал, что в некоторых вещах она способна проявить невероятную принципиальность и твердость характера. В этом она была похожа на него самого.

– Как это, остаешься? – недоуменно спросил он.

– Я никуда не пойду.

Мурад некоторое время молча смотрел ей в глаза, а потом отрицательно покачал головой.

3

– Ну пожалуйста, – взмолилась она. – Не запрещай мне этого. Я всегда была тебе верна и покорна, ни разу не перечила, не ослушалась твоих велений. И сейчас я тоже не хочу поступать вопреки твоей воли... Позволь нам вместе покинуть этот мир.

Мурад опустил глаза на сына, который в это время стоял между ними, ухватившись за платье матери. Впервые, смотря в эти ничего не подозревающие, чистые детские глаза, в которых теперь отражались усталость, непонимание и тревожность (его напугали выстрелы, хоть Амина практически сразу и прикрыла ему уши руками), и представив состояние этого малыша, когда он проснется завтра без родителей, представив, как будет жить и расти с этим осознанием, Мурада охватила необычайная печаль.

– У него есть Господь, который позаботится о нем не хуже меня, – как бы угадав его

мысли, сказал она.

А потом присела и обняла сына. Прижав голову малыша к своей груди, она целовала его и устремленным снизу вверх умоляющим взглядом посмотрела на мужа своими прекрасными глазами, в которых блестели слезы.

– Ему нужна мать, – спокойно произнес Мурад.

Воцарилась тишина. С улицы послышался голос с требованием сдаться. Но Мурад его как будто и не заметил. Когда говоривший в микрофон начал второй раз повторять требование сложить оружие, Мурад после недолгой паузы тихо сказал:

– Я не знал, что у тебя настолько... – Он хотел было сказать «черствое сердце», но сказал лишь: – Сильное сердце.

– Не говори так. – Она растрогалась, и слезы ручьем полились у нее из глаз.

Религиозные чувства, как и чувства любви, создают в испытывающем их особую призму, через которую мир, жизнь и смерть видятся ему в ином свете, нежели другим, которым чуждо столь сокровенное переживание. Она была убеждена, что этот мир – всего лишь временное пристанище и ее расставание с сыном тоже временно и что они вскоре воссоединятся в лучшем мире, где не будет тревог и печали.

И именно это убеждение, вместе с нежными чувствами к мужу и материнской любовью к сыну, раздирали Амину изнутри, ставя перед нелегким выбором.

И все же решение свое она приняла окончательно и бесповоротно.

Крепко прижав сына к груди, она сказала:

– Клянусь Господом, он – самое любимое, что у меня есть на этом свете... Но в один прекрасный день нам и с ним придется расстаться. Я надеюсь, что он поймет и простит меня, когда вырастет. Я хочу уйти с тобой, оставив его Тому, Кто лучше меня за ним присмотрит.

– Нет, – сказал Мурад. – Я не могу тебе этого позволить. Если хочешь мне угодить, воспитай моего... нашего сына должным образом.

– Я не смогу. Я это решила не сейчас. Я почти каждый день представляла себе эту картину, и каждый раз убеждалась в том, что жить, когда тебя не станет, я не смогу.

Если даже сейчас выйду отсюда, я все равно отдам его маме и... Я не смогу жить дальше, пойми. Его воспитанием займутся твои родители, твой брат и моя мама. Он не будет одинок. С ним все будет хорошо.

– Ты ненормальная.

– Тебе следовало об этом знать еще тогда, когда я согласилась выйти за тебя: нормальные выбирают другую жизнь.

– Ты сама-то хоть готова к этому?

– Я только к этому и готова, – ответила она уверенно.

4

Мурад при этом пристально посмотрел ей в глаза: в них сквозь сумрак комнаты он ясно увидел то, чего меньше всего желал увидеть: они горели отчаянной решимостью. И он уступил.

– Сын, тут такое дело, – сказал он, глубоко вздохнув, вновь присаживаясь перед ним.

– Он взял малыша за руку. Ребенок тут же ухватился за серебряное кольцо с черным камнем на безымянном пальце его правой руки и тревожно начал его теребить. – Я с твоей матерью здесь немного задержимся, а потом мы с ней уйдем в другое место. А ты сейчас выйдешь. Выйдешь из этого дома и будешь жить, и жить, я надеюсь, хорошо.

Потом пройдет некоторое время, много времени, я надеюсь, и ты придешь за нами. Хорошо?

Мальчик, ничего толком не понимая, кивнул, зная, что именно этого от него хотят. А потом спросил:

– Мама будет со мной?

– Да, конечно. Мы все, ин шаа Аллах⁴, будем вместе. Договорились?

Мальш повторно кивнул.

– Юсуф, – сказал Мурад, обеими руками нежно взяв сына за плечи. – Я не знаю, что ты запомнишь из того, что я тебе говорил, и запомнишь ли вообще что-либо. Но одно ты должен помнить твердо: знай, что твой отец и твоя мать любили тебя и желали, чтобы ты вырос достойным человеком.

Мурад еще раз поцеловал сына в лоб, поднялся и взял свой автомат, прислоненный к стене дулом вверх.

– Пора, – сказал он, обращаясь к жене.

– Дай мне минуту, чтобы с ним попрощаться. – В ее тихом голосе чувствовалась гнетущая тоска расставания.

Мурад вышел из комнаты и присоединился к двум своим товарищам. Вскоре, закрыв лицо ниже глаз черной вуалью, держа сына на руках, к ним вышла и сама Амина.

В этот самый момент по дому открыли огонь из крупнокалиберного пулемета, установленного на бэтээре. На улице кто-то стал кричать, и огонь прекратился. В это самое время Ибрагим подошел к окну и, прячась за стеной, крикнул, чтобы не стреляли, пока женщина с ребенком не выйдут.

– Не женщина с ребенком, а один ребенок, – сказала Амина, обращаясь к Ибрагиму.

Тот на секунду посмотрел на нее удивленно, но потом сразу понял и сказал:

– Не стреляйте, сейчас выйдет ребенок.

Кричавшим на улице был начальник райотдела Сулим, лишь недавно прибывший на место. Ему уже доложили, что в доме находятся женщина с ребенком, и поэтому, когда начали стрелять, он велел прекратить огонь, пока мать с ребенком не покинут дом.

Укрывшись за стеной у ворот, Сулим, отвечая Ибрагиму, спросил:

– Почему только ребенок?

– Потому что его мать пожелала остаться, – ответил Ибрагим.

После недолгой паузы, Сулим крикнул в ответ:

– Выпускайте тогда ребенка.

Когда Мурад, взяв из рук жены маленького Юсуфа, направился к выходу, ребенок начал тянуться к матери. Амина, не удержавшись, подбежала к сыну, взяла его обратно из рук мужа, крепко обняла и тихо заплакала. Потом, скрывая от сына слезы, поговорила с ним, успокоила, и передала обратно супругу.

4 Даст Бог.

5

Мурад, держа его на руках, прошел в небольшой коридор с окном и опустил сына на пол возле дверей. Указав, куда ему надо идти, Мурад сказал:

– Иди.

Юсуф стоял, и отцу пришлось несколько раз повторить свою просьбу, прежде чем тот двинулся с места.

Оглядываясь назад, мальчик шел через двор к выходу робкими шажками. Прodelав полпути к воротам, он обернулся и застыл на месте, приговаривая: «Мама». Амина, побоявшись, что не выдержит и бросится к сыну, убежала обратно в спальню, из которой только что вышла, и, прижимая лицо к подушке, зарыдала.

– Да заберите вы его оттуда, – раздраженно крикнул Саид. – Неужели не понятно, что пока вы его не уберете, мы не будем стрелять.

Сулим, услышав эти слова, передал автомат находящемуся рядом полицейскому и, никому ничего не говоря, вошел во двор и подошел к ребенку. Мурад с товарищами наблюдали эту картину из окна.

Подойдя к Юсуфу, Сулим присел на корточки и протянул мальчику карамельку, которые носил с собой с тех пор, как бросил курить. Юсуф взял конфетку, а потом, указывая на дом, сказал:

– Там моя мама и папа.

– Да, – ответил Сулим, – я знаю. – Он взял малыша на руки. – Они попозже придут, хорошо?

Мальчик кивнул.

Держа на руках ребенка, Сулим пристально смотрел на слабо видимый силуэт Мурада, стоящего у занавешенного полупрозрачной тканью окна.

Они давно знали друг друга, как знают друг друга два злейших врага. Сулим всегда питал к нему потаенное чувство уважения как к наиболее достойному и благородному из своих противников.

Начальник полиции хотел было что-то сказать амиру джамаата, сына которого он сейчас держал на руках, но вдруг передумал и, развернувшись, спокойно направился к выходу. Оказавшись за воротами, он передал мальчика одному полицейскому, приказав немедленно вывезти его за пределы селения.

Когда ребенка увезли, Сулима спросили, можно ли начинать штурм, на что он ответил:

– Подождем еще минут десять, пока ребенок не окажется достаточно далеко... Не хочу, чтобы у него в памяти остались стрельба и взрывы, от которых погибли его отец и мать.

Когда же время иссякло, он первым взял в руки оружие и открыл огонь по дому.

Начался штурм.

Амина закидывала наступающих гранатами и обстреливала из Калашникова. В оружии она разбиралась хорошо – брат научил. Мурад, Ибрагим и Саид в отчаянном сопротивлении действовали расчетливо и быстро, часто меняя позиции. Бэтээр, протаранив ворота, въехал во двор и передком наехал на дом, разрушив стену прихожей. В этот самый момент Мурад через стену, в которой образовалась брешь от снаряда «Мухи», высунул ручной гранатомет РПГ-7 и выстрелил в бок въехавшему бронетранспортеру. Технику после этого к дому больше не пускали. Но огонь стал более интенсивным.

Мурад получил первое ранение: осколками снаряда были задеты его плечо и нога. Саид и Ибрагим, которые в разных частях дома вели ожесточенный бой, подбежали и

помогли Амине оттащить его назад. Амир сказал, что с ним все в порядке, и те двое вернулись на свои позиции.

Пока Амина с помощью бинта перевязывала раны супруга, Мурад достал радиоприемник.

От отряда из шестидесяти человек, который он возглавил два года назад, в живых осталось только двадцать семь бойцов. Шестеро из них (несколько из которых были внедренными полицейскими) действовали на равнине: собирали нужную информацию, подвозили продукты питания, медикаменты и так далее. Остальные же постоянно находились в горах, время от времени совершая вылазки в города и села, где ими атакывались российские военные укрепления и колонны бронемашин.

Мурад связался с оставленным им вместо себя в горах муджахидом, который в это время спал в маленькой палатке, разбитой на дне небольшой ложины, и сообщил о положении, в котором они оказались.

Разговаривая со своим командиром, Абдуллах вышел из палатки и стал взбираться по пологому склону холма. Сон его быстро пропал: прохладный воздух и печальная весть

мгновенно его отрезвили. К тому же каждый раз, когда Мурад, нажимая на боковую кнопку «рации», выходил на связь, в эфире слышались ожесточенная стрельба и взрывы, сквозь гуцу которых звучал спокойный, но сбивающийся от полученных ранений голос его амира.

Первым, что сделал сонный Абдуллах, услышав Мурада и стрельбу, был вопрос: – Где вы находитесь? Мы сейчас подойдем.

Сказав это, он вскочил на ноги, чтобы разбудить остальных – все спали в боевой экипировке и с оружием под рукой. Но Мурад, хорошо его зная, тут же велел ему успокоиться и никому ничего пока не говорить.

– Не надо напрасно ребятами рисковать, – сказал он. – К тому же все скоро закончится... Мы тут не долго еще продержимся.

– Почему раньше не сказал, Мурад? – с чувством спросил Абдуллах. – Почему не сказал раньше?

– Все нормально, Абдуллах, все хорошо. Ничего нового с нами не случилось. Таков лучший итог пути, что мы для себя избрали. Мы к этому готовы.

– Тогда почему ты не позволяешь нам разделить с вами эту участь? Для чего мы тогда вообще живем и сражаемся, если будем избегать риска и в таких делах?

– Споры сейчас излишни. Молитесь за нас, за то, чтобы мы здесь стали шахидами и мученичество наше было принято. – Он помолчал, а потом, все еще тяжело вздыхая, сказал: – Абдуллах, я вышел на связь, чтобы сказать тебе, что отныне ты амир...

Более мне нет нужды тебе что-либо говорить. Ты сам все прекрасно знаешь. Ин шаа Аллах, увидимся в Раю.

Тут Абдуллах и вышел из палатки и стал медленно подниматься по холму.

– Мы тут не задержимся, Мурад, – взволнованно проговорил он.

– Не забывай, не в смерти наша цель.

– Я знаю, Мурад, я знаю.

7

– Ассаляму алейкум5.

– Ваалейкум ассалямб.

Мурад выключил радиоприемник.

Достигнув самого верха, Абдуллах сел на землю, спиной прислонившись к стволу большого дерева. Далеко впереди он видел своего бойца, который стоял в дозоре, тоже сидя за деревом, с автоматом в руках. Еще дальше виднелись кряж горных вершин и лес, сбрасывающий с себя желтую листву. За этими лесами и горами, так живописно теперь освещенными лунным светом, шел смертельный бой. Абдуллах смотрел в эту даль, хранившую мертвую тишину, представляя то, что там сейчас происходит, и как никогда в жизни жалел, что он теперь не там, вместе с ними.

Он только что в последний раз, сквозь густой шум жестокого боя, слышал голос не просто уважаемого командира, но и любимого друга и верного товарища, с которым он делил тяжелые годы борьбы и которого он уже больше никогда не увидит и не услышит. Когда связь была прервана и вдруг образовалась мертвенная тишина ночи, давящее безмолвие до боли сжало его сердце. Он – опытный воин – заплакал, впервые ощутив себя беззащитным, брошенным на произвол судьбы ребенком.

Дом, методично расстреливаемый из гранатометов и крупнокалиберных пулеметов, мерно уменьшался в размерах. К этому времени все четверо, находящиеся внутри, уже были тяжело ранены.

Бой, начавшийся за несколько часов до восхода солнца, завершился, спустя шестнадцать часов, гибелью всех оборонявшихся. Тихая темная ночь, вновь окутало село, только на сей раз тьму ночи тревожило зарево пожара разрушенного дома.

Глава 2

Девять лет спустя

Поглядывая то на посадочный талон, то поверх спинки кресла, Мансур неторопливо продвигался вперед по проходу воздушного судна, готовящегося отправиться рейсом Грозный – Москва, пока не нашел свое место у прохода. Наконец все расселись по местам, пилот каким-то механическим голосом быстро произнес стандартную речь о погоде и времени пути, после чего умолк.

Самолет тронулся с места.

Пока лайнер катил к взлетной полосе, Мансур бездумно, через двух справа сидящих пожилых пассажиров, вглядывался в окошко, и мысль его, как и сама «железная птица», готовилась ко взлету к глубоким раздумьям.

Прекрасный день, подумал он, через иллюминатор наблюдая за светлым солнечным днем. «Плюс двадцать восемь», – повторил он мысленно сообщение штурмана.

Рефлексирующий полуинтроверт – именно так, однажды, он себя описал. И действительно, молчаливых раздумий в нем было больше, чем звонких слов. Но преуспевшим гением в какой-либо области он не был, так как данная характерная

5 *Мир тебе (араб.).*

6 *И тебе мир (араб.).*

8

особенность приличествует в основном только им, ибо мало к чему конкретному в нем длительно сохранялся интерес.

Его свободно несло течением жизни, и он просто пытался получше понять и разглядеть ту среду и те обстоятельства, внутри которых оказывался в ходе своей жизни.

Мансур давно отдался в руки той случайности, неведомым законам которой был подчинен неровный ход его жизни.

Самолет вдруг вынырнул из-за облаков и, летя над белоснежно-матовой поверхностью паров, несся, словно корабль по безмятежно белому морю. Судьба, думал он, вспомнив о последних событиях, а потом и обо всей своей двадцатилетней жизни, – разве ее может отрицать человек, переживший две войны? Ведь никогда еще госпожа Случайность так явственно и лихо не распоряжалась тем, кому и как жить, а кому и как умирать, как во время и после войны.

На правой руке у него красовалось серебряное кольцо с черным сверкающим агатом.

Он покручивал его на безымянном пальце: толкал кончиком большого пальца той же руки в полуоборот вниз, а затем, основной фалангой мизинца тут же подхватывая движение, довершал круг, далее снова большим пальцем вниз, а мизинцем – вверх.

Так, с помощью двух пальцев, кольцо проделывало круг в триста шестьдесят градусов.

Каждый такой круг создавал у него ощущение завершенности. Той завершенности, которой не хватало его мыслям и чувствам, чего он усиленно пытался добиться, неосознанно покручивая кольцо.

Он размышлял о непостижимой тайне предопределения – с некоторого времени это был любимый предмет его рассуждений, – пытаясь найти ему описательный пример. Да, именно! Внезапно воскликнул он мысленно: «Судьба – это как расчетный удар мастера кием о биток, который направляет прицельный шар, посредством касаний и рикошетов, в нужное ему, мастеру, отверстие – лузу. Таким же образом судьба направляет и определяет жизнь и ее итог каждого человека – человека, который, по сути, является лишь бильярдным шаром, по которому Провидение бьет дуплетом». Удовлетворившись таким сравнением, он прекратил размышления о таинственной сложности предначертанного.

Он огляделся по сторонам. Две женщины рядом вполголоса что-то обсуждали; степенный седовласый господин сидел слева чуть поодаль, устремив куда-то

задумчивый взгляд; по ту же сторону, параллельно с ним через проход, мальчишка лет десяти играл на планшете. Позади мальчика молодая девушка с закрытыми глазами откинулась на спинку кресла и, судя по наушникам в ушах и безмятежному выражению лица, слушала какую-то лирическую мелодию.

Бессознательно-механическая работа пальцев с кольцом прекратилась. Крепко сжав руку в кулак, он как-то машинально поднес ее к губам и поцеловал кольцо, после чего расправил ладонь и положил руку на подлокотник. Затем он еще раз взглянул в окошко в даль горизонта, и вдруг его охватило чувство легкой, уютной и слегка трепетной радости от сознания неизвестности будущего и неопределенного хаоса прошлого в сочетании с относительным благополучием настоящего.

Его небольшой рассказ, отправленный на один литературный конкурс, был признан лучшим, и ему в качестве приза было прислано приглашение на бесплатное участие в десятидневных курсах литературного мастерства в Москве, куда он сейчас и летел. За несколько дней перед этим Мансур без особых раздумий ушел с работы – он был корреспондентом грозненской газеты «Наши новости», где успел проработать лишь пару месяцев.

9

Когда он в один из последних дней апреля сказал главному редактору – молодой амбициозной женщине – о приглашении на курсы и о своем намерении их посетить, та выразила неудовольствие.

– Сейчас начнутся майские праздники, – сказала она, – пройдут различные мероприятия, которые нужно будет освещать. А у нас, как ты знаешь, при скромном штате из четырех корреспондентов и так катастрофически не хватает материалов. Тем более, Мансур, ты сдаешь куда меньше статей, чем все остальные. Ты уж извини, но за все время работы ты так ни разу и не выполнил план.

Далее она говорила, что ей очень жаль, что она не может его отпустить, что она очень рада его успеху и с удовольствием позволила бы ему съездить, если бы не...

Он уже перестал ее слушать, но молча просидел, позволив ей закончить свой монолог.

Через пятнадцать минут, написав заявление об увольнении по собственному желанию, он спускался в лифте Дома печати, на восьмом этаже которого находилась их редакция, безработным.

Работа ему эта и так претила, и ему просто выдался хороший повод от нее избавиться. Самолет приземлился в Шереметьево. На такси и метро он добрался до капсульного хостела на Тверской – в самый центр Москвы.

Несколько дней назад он через Интернет забронировал здесь место.

Молодая смуглая девушка за стойкой регистратора быстро оформила его, передала ключи от шкафчика с номерком для личных вещей, а потом, сказав: «Пойдемте, я вам покажу», по коридору направилась к дверям. Они вошли в огромный зал с высоким потолком в два этажа и столь же высокими, чуть ли не с пола до потолка, окнами в деревянной раме. Зал был декорирован с претензией на постмодернизм. На стенах красовались картины в духе абстракционизма. Почти все пространство было занято в хаотичном порядке расставленными диванчиками и креслами, обитыми мягкими тканями пестрых цветов; посреди диванчиков стояли деревянные круглые столики. К стене справа был прибит большой плазменный телевизор, а под ним протянулся широкий настенный стеллаж, на полках которого стояли художественные книги, DVD-приставка, диски с фильмами и всякие декоративные элементы: музыкальная ретроаппаратура, бронзовые, деревянные и гипсовые статуэтки и фигурки разных форм

и размеров.

Все эти, казалось бы, в беспорядочном хаосе подобранные, развешенные и расставленные предметы мебели, искусства и декора, тем не менее, в общей своей совокупности смотрелись гармонично, что Мансур тут же про себя и отметил, сравнив этот интерьер с нутром человека, в котором сосредоточено много разного, противоречивого и даже непонятно-уродливого, но который именно благодаря этому и выглядит интересным и завершенным.

– Это у нас гостиная, тут можно посидеть, пообщаться, телевизор посмотреть; также тут есть вай-фай, – сказала девушка.

Затем они вошли в боковую дверь и оказались в помещении не меньших размеров, чем зал, в два яруса уставленного капсульными кабинками для сна, с виду напоминающими большие белые квадратные гробы. Внутри одной капсулы из-за ограниченных размеров можно было либо сидеть, либо лежать, вытянувшись строго в одном направлении.

Заглянув в свою капсулу, Мансур обнаружил внутри чистые полотенца, бируши, розовые бумажные тапочки, небольшой тюбик зубной пасты и столь же миниатюрную зубную щетку.

10

Разместив вещи в своей секции шкафа, он принял душ и вышел на улицу, чтобы перекусить в «Макдоналдсе» и погулять по Красной площади, после чего вернулся и лег спать.

Глава 3

На занятие утром следующего дня Мансур явился одним из первых – за полчаса до начала – и потому имел возможность хорошенько изучить сначала зал (который, как и зал в его хостеле, был украшен какими-то сюрреалистическими экспонатами и картинами), а затем и самих участников, которые стали потихоньку прибывать.

К началу занятия практически вся группа сформировалась, и уже потом, когда лектор начал выступление, опоздавшие – куда уж без них, – крадучись, словно боясь нарушить покой лектора и слушателей и тем самым заслужить двойное осуждение – за непунктуальность и помехи, – виновато пробирались к свободным местам.

Вопреки ожиданиям Мансура тут собралась разношерстная публика. Контраст наблюдался не только во внешности, но и, как это вскоре (когда участники стали представляться) выяснилось, в видах занятий и интересах каждого. Среди них были журналисты, бизнесмены, менеджеры, домохозяйки, музыканты, студенты, пенсионеры и даже один ученый – физик. И весь этот конгломерат различных возрастов и родов деятельности объединяло нечто одно – желание научиться хорошо излагать свои мысли на письме.

Пока приглашенный лектор – некий известный в своих кругах сценарист, по работам которого было снято несколько успешных фильмов, – начал вступительную речь, входная дверь открылась и в зал вошла одна из опоздавших особ. Первое, на что

Мансур обратил внимание, было безучастно-флегматичное выражение ее лица: ни виноватой улыбки, ни намек на робость в движениях, а, напротив, какая-то истома, не без усилий маскируемая личиной сдержанного спокойствия. Это выражение отрешенности в эту самую минуту придавало особый шарм ее привлекательной внешности. Одетая она была так, словно шла на вечеринку (или, вернее, с вечеринки), и случайно забрела сюда: красная помада на изящных линиях губ, длинные темно-русые волосы, зачесанные в одну сторону и свисающие по правому плечу, туфли на высоком каблучке, тесно облегающие темно-синие джинсы и черная атласная кофта с прорезами

по бокам; через руку, в которой она держала сумочку, у нее было перекинута темно-синее пальто. Вот в этом соблазнительном и даже чуть вызывающем виде, чуждом, казалось бы, самой литературе, о которой тут говорили, она вошла в зал. Оглядевшись в поисках свободного места, она тут же двинулась к Мансуру, на него, однако, не глядя. Стулья в зале были расставлены, как в большом «боинге»: в три ряда разной ширины. Между рядами шли проходы. Место возле стены рядом с Мансуром было свободным, к нему вошедшая и направилась.

Даже не спрашивая, не занято ли место, и не поздоровавшись, она спокойно прошла мимо него и опустила на стульчик рядом.

А лектор тем временем заканчивал вступительную речь.

– ...и поэтому, – сказал он, – как писать хорошие тексты, я не знаю, следовательно, научить вас этому я тоже не смогу. Но я могу вам рассказать, как это делаю я сам...

11

И он полтора часа увлекательно повествовал о тех тонких приемах, незначительных на первый взгляд, но для его писательской деятельности весьма важных привычках, о своем дневном графике и многом другом, что в писательском деле может пригодиться только человеку с врожденным талантом.

Выступление наконец завершилось, раздались аплодисменты. Следующие десять минут заняли вопросы, потом снова, на сей раз уже последние, прощально-благодарные аплодисменты.

Объявили пятнадцатиминутный перерыв.

Многие потянулись к фуршетному столику в конце зала, на котором были расставлены кофеварка, электрочайник, чайные пакетики, одноразовая посуда, пирог со шпинатной начинкой и всякие сладости. Но Мансур и ее привлекательная соседка с флегматичным выражением лица продолжали сидеть, так как одна энергичная и весьма словоохотливая дама средних лет – как вскоре выяснилось, московская журналистка одного печатного издания, – расположившаяся спереди от них, сразу же после заключительных аплодисментов повернулась к ним (ее собственный сосед, к ее сожалению, уже успел вскочить) и быстро заговорила:

– Очень интересная лекция, не правда ли? – И, прежде чем ей успели что-либо ответить, она продолжила: – Но, знаете, я думаю, что каждый талантливый человек имеет свою, отличную от другого методику работы. То есть был бы талант и желание работать, – улыбнулась она, – способ как бы сам найдется. Кстати, меня зовут Лера, а вас? – Задавая этот вопрос, она несколько раз быстро перевела взгляд с одного на другого, тем самым давая понять, что вопрос обращен к ним обоим.

– Мансур, – ответил он, приветливо улыбнувшись.

– А я Виктория... Ну, можно просто Вика. – Девушка тоже изобразила нечто вроде милой улыбки, и тут Мансур понял, что отрешенно-томным ее лицо было вовсе не от надменности и самомнения, а от чего-то другого.

– Очень приятно. Вы здесь впервые? Просто я посещаю эти курсы уже три года кряду, а вас вижу в первый раз. Тут очень много знакомых лиц. Придя сюда однажды, трудно воздержаться от соблазна не оказаться здесь вновь. А вы откуда?

Они познакомились, и следующие пятнадцать минут пролетели за беседой.

Участие на этих курсах было платным, и новоявленные знакомые Мансура удивились, узнав, каким образом он сюда попал.

Они тут же нашли друг друга в Фейсбуке и, как бы подкрепляя реальное знакомство, стали виртуальными друзьями.

Туман неизвестности, которым была окутана соседка Мансура, благодаря этой короткой беседе слегка рассеялся.

Виктория приехала из Краснодара. Она оканчивает магистратуру по зарубежной литературе. Увлекается сценарным искусством и даже успела окончить заокеанские курсы сценарного мастерства в Лос-Анджелесе. У нее, несмотря на проступающую в глазах усталость (позже она признается ему, что причиной этой усталости была минувшая ночь, проведенная в клубе, где она танцевала с подругами чуть ли не до самого рассвета), была столь необычно приятная и естественная – без жеманства и кокетства – манера говорить, с легким заглаживанием окончаний слов, а голос — сладко-мягким, что, слушая ее, у Мансура невольно создавалось впечатление, будто во рту у нее таял неиссякаемый кусочек шоколада.

12

Перерыв закончился, и ведущая объявила о новом лекторе. Им оказался молодой писатель робкого вида и неуклюжих повадок, который, еще не начав говорить, обнаружил отсутствие в себе опыта выступить перед публикой.

Несколько минут он возился с микрофоном, решая сложную для себя задачу, как с ним быть: держать его в руке или установить на столе? Некоторое время он пытался его прислонить к чашке с кофе, но безуспешно, потом ему для этой цели принесли пустой пластмассовый стаканчик и стопку книг, но все не то. Под конец он все же решил держать микрофон у себя в руке, по ходу выступления то слишком его приближая ко рту, то отодвигая сверх меры. Было видно, что экспромтная речь – не его конек, как, впрочем, и импровизация. Вместо заготовленного текста он положил перед собой на стол маленький клочок бумажки, на которой, судя по всему, были тезисы, названия или ключевые слова его лекции. Но этого явно было недостаточно: говорил он нудно и с большими паузами, выдерживаемыми не столько для того, чтобы сказать как можно лучше, сколько для того, чтобы вообще найти что сказать.

Возможно, уединенно сидя у себя в комнате где-то перед зеркалом, когда он репетировал это выступление, речь его была пылкой, красноречивой и свободной, что он, может быть, даже сам собою восхищался, и книга его, надо полагать (Мансур ее не читал), тоже была хороша, а язык – оригинален и богат. Но другое дело тут, когда десятки людей, немало, кстати, заплативших, смотрят на тебя в ожидании изысканной речи, которая должна стать кладезем бесценных советов мастера. Эти люди своим вниманием расстраивали ход всей его, должно быть, оригинальной мысли, звучащей сейчас так убого и неинтересно.

Мансур оглянулся вокруг и уловил почти у каждого скучающий взгляд, с трудом сосредоточенный на лекторе. Они за это заплатили, подумал он, и теперь насилуют свою волю. К Виктории он не поворачивался, полагая, что такой жест был бы слишком бестактным с его стороны. Будь за ней еще люди или предметы, он, будто случайно, мог бы задеть ее взглядом, который как бы говорил: я смотрю не на вас, а вон туда, а вы лишь оказались на пути моего взгляда. Но, к его несчастью, сразу за ней возвышалась глухая стена.

И только тогда, когда она аккуратно вынула из своей сумочки телефон и стала листать ленту в Фейсбуке, – он это заметил краешком глаза, поскольку айфон ее был низко опущен, – он понял, что она свою волю мучить не желает.

И тогда он вынул из кармана свой андроид, также низко опустил его на колени, спрятав за спиной у впереди сидящего, чтобы не показаться неуважительным к выступающему, и написал ей в Фейсбуке:

«Решили телефоном отвлечься от тяжести навалившегося сна?»

«Да, – последовал ответ в мессенджере. – Сiju и думаю, кто же из нас раньше заснет: я или он».

«Вам обоим нужен крепкий кофе».

«Перед выходом выпила три чашки, – написала она. – Что-то не помогает».

«Надо абстрагироваться. Судя по вашей ленте, вам нравятся экспозиции, которые здесь выставлены и вывешены, я прав? Лично меня все это вводит в легкое недоумение», – написал он и, как заинтересованный слушатель, посмотрел на незадачливого лектора, держа телефон с включенным экраном вверх, чтобы не пропустить сообщение от нее.

Смартфоны у обоих стояли на беззвучном режиме.

Она начала печатать:

13

«Не все, но парочка есть неплохих. Вон, к примеру, те маски слева от вас очень интересны. Латиноамериканское наследие доколумбовой Америки. Вас это не забавляет?»

Мансур посмотрел налево, где на стене висело несколько картин с изображениями причудливых масок.

«Ацтекская, кажется, культура. Или это майя? До чего же они нелепы».

В ответ Вика улыбнулась и написала:

«Это Мезоамерика. Да, культура майя. Маски у них являлись неотъемлемой частью религиозных ритуалов. Также они использовались ими на войнах для устрашения врагов».

«При виде таких гротескных морд, – заметил Мансур, – враг скорее обхохочется, нежели испугается».

Вот так, осторожно и к месту, не желая особо мешать друг другу, ловя моменты нудные и затянутые в лекциях, они обменивались своими соображениями по самым разным предметам.

Вика ушла за полчаса до окончания последнего выступления, сказав, что у нее дела.

Когда занятия закончились, Мансур вернулся в хостел.

Время уже близилось к вечеру, и он был не прочь перекусить. У выхода из зала стоял автомат со сладостями, газировками и едой быстрого приготовления. Взяв быстрорастворимую лапшу и залив ее кипятком из кулера, что стоял тут же, он прошел в зал и сел за одним из столиков.

Тут находились и другие постояльцы. Один иностранец, поляк, увлеченно всматривался в монитор своего ноутбука, изредка прокручивая указательным пальцем колесико мыши. На небольшом диванчике перед столом сидела молодая пара – русская девушка и датчанин. Непринужденно-веселый их разговор имел кокетливо-педагогический характер: девушка, с сияющей улыбкой и увлеченным взором, обучала молодого человека русскому языку, то и дело поправляя неправильно произносимые им слова. Видимо, молодой человек желал выучить русский язык, так как был крайне заинтересован в этих поправках. Уединенно, листая глянцевый журнал со стола, сидела еще одна девушка азиатской внешности со славянским именем Юля, без акцента говорившая по-русски. Юля была кореяночкой из Владивостока, с корейской культурой которую связывали разве что гены и внешность. Она приехала в Москву на парикмахерские курсы.

Всю эту беглую информацию о присутствующих здесь людях Мансур узнал от девушки, которая внезапно появилась откуда-то сзади и, как-то небрежно проронив «Можно?», буквально свалилась на противоположный стул. Мансур удивленно посмотрел на нее.

Перед ним сидела весьма занятная особа в серых спортивных брюках и белой футболке, темно-русые волосы ее были собраны сзади в хвостик. Но первым предметом ее «наряда», на который он обратил особое внимание, были слои белого

бинта, закрепленные у нее на носу с помощью пластыря. Глаза у нее были живые, подвижные, а все лицо благодаря этим шныряющим глазкам и большому мотку бинта на носу имело какое-то комически-нелепое выражение.

Если бы не его прирожденный такт, то он, глядя на нее, точно бы рассмеялся. «М-да, — подумал он, разглядывая ее, — еще один живой постмодернистский экспонат». Но вслух после секундного замешательства, слегка улыбнувшись, лишь сказал:

– Вы уже сели.

Но девушка его словно и не слышала.

14

– Бли-и-н, — протянула она как-то горестно, — еще несколько дней носить вот это. — Она указала на бинт у себя на носу. — Вот я дура! Лучше бы оставила, как есть. Ведь он у меня был не так уж и плох. А теперь что... — Она метнула возмущенный взгляд куда-то в сторону, и сказала: — Не нос, а хрен поймешь что. — Потом, резко повернувшись к Мансуру, живо заговорила: — Прикинь, я приехала сюда уже во второй раз. Думала, что в Москве сделают лучше... Ага, щас! Идиоты, а не врачи...

Мансур доедал свою лапшу и слушал ее со слегка проступившей на губах улыбкой. Его забавляло в людях все непринужденное и легкое, что выходило за рамки обыденного, но не входило в пределы открытой наглости и хамства. В современном мире, где царствуют две крайности — ханжество и снобизм, — такое поведение ему виделось почти идеальным. И только присутствие наивной глупости, думал он позже, вспоминая этот момент, при отсутствии всякого такта сбивает цену подобным этой девушке натурам.

Сейчас же он смотрел на чудную особу перед собой не без сочувственного интереса.

– А знаете, — продолжала та, в свою очередь, внезапно перейдя на «вы», — ведь раньше я была вполне красивой... Вот, смотрите... щас... — Она стала тыкать и скользить кончиком указательного пальца по дисплею телефона. — Смотрите, это я. — Она протянула ему смартфон, который Мансур тут же у нее взял. — Листайте вон туда, направо... Да... Ну как, нравится?

На снимках она позировала в разных нарядах и местах, с различными прическами и минами на лице. На всех фотографиях для лучшего эффекта были использованы фильтры.

– Да, и в самом деле вы выглядите очень даже ничего, — сказал Мансур, по контрасту с ее теперешним видом и вправду полагававший, что на снимках — на которых она, разумеется, была без бинта на носу — она вышла гораздо лучше.

– И ведь не было никакой необходимости трогать нос, верно? — спросила она жалостно, беря обратно свой телефон, протянутый ей Мансуром.

– Нет, совершенно не было.

– Вот и я так думаю. — Она с грустью посмотрела на свой снимок в телефоне.

В этот момент Мансуру стало ее как-то особенно жалко.

– Как тебя зовут-то? — спросил он, желая отвлечь свою собеседницу от тяжести сожаления за опрометчиво принятое когда-то решение.

– Катя... Ой, видишь вон того? — Она указала на одного высокого блондина в белой майке, который только что прошел мимо них. При этом она внезапно просияла и загорелась так, что мины сожаления и след простыл. — Он на меня постоянно так смотрит прям... — Глаза ее самодовольно заискрились. — Я ему нравлюсь, что ли?

Нет, — сказала она резко, предугадывая возможную мысль у своего собеседника. — Это, — она указала на свой забинтованный нос, — у меня только со вчерашнего дня. А я тут уже почти неделя как... Блин, семь дней здесь торчу. Но, слава Богу, завтра еду домой.

– Должно быть, ты здесь уже всех знаешь? – спросил он, чтобы как-то поддержать разговор. К тому же он был рад немного отвлечься.

– Ну, может, и не всех. Ты же не думаешь, что я прям вот так вот подсаживаюсь ко всем, как к тебе, и начинаю болтать бог весть что. Вообще-то, я девушка скромная и стеснительная. Просто иногда на меня находят минуты бесстыдства и какого-то пофигизма. А так, да, я здесь многих знаю. Вон тот парень, к примеру, – она указала на иностранца, который сидел с девушкой и шлифовал свой русский, – это датчанин, 15 Макс, пишет какую-то научную работу про Россию у себя на родине. Он тут уже месяц как живет. А девушка рядом с ним – ее тоже, как и меня, Катя зовут – иногда по вечерам помогает ему в изучении русского. Правда, я не знаю, чем она сама занимается... Хм, странно, что я этого не знаю. А там который сидит, это поляк...

И она таким образом рассказала обо всех сидящих в зале людях. А потом, порасспросив Мансура о нем самом, узнав, как и зачем он оказался в Москве и кто он вообще, внезапно встала и, сказав, что ей пора идти, исчезла. Мансур, загруженный ненужной ему информацией, сообщенной, однако, в непринужденно-забавной форме, посидел еще некоторое время, а потом ушел в свою капсулу и лег спать.

На другой день все повторилось заново. Мансур и Вика, как и в прежний раз, заняли свои места рядом друг с другом и точно так же, но уже не так активно, как днем раньше, обменивались в ходе лекций и семинаров отвлеченными мыслями и соображениями. В перерывах они тоже успевали сказать друг другу пару слов, но тут уже собеседники менялись довольно часто. Лера, та самая московская журналистка, невольно, но усиленно и непринужденно продолжала весьма эффективно исполнять в группе роль соединяющего звена. Каждый раз, когда кто-либо из участников в ходе лекции или семинара делал ценное замечание или выказывал умную мысль, она считала своим долгом в перерыве подойти к автору оригинальной мысли и выразить ему комплимент, после чего задавала несколько интересующих ее вопросов на данную тему и, получив ответ, подходила к следующему. Она стремилась выжать максимум пользы из всего этого интеллектуального – или, по крайней мере, притязającego на интеллектуальность – сборища, явившегося сюда из разных уголков страны и даже зарубежья, и часто знакомила одних с другими.

Мансур впервые попал в подобную атмосферу, где собрались люди, имеющие примерно такое же, как у него самого, мировосприятие и литературный склад ума. Нутро у сидящих здесь было скомпоновано иначе, чем у прохожих за окном. Но он все же понимал, что он и в этой среде другой. Общего же у него с этими людьми было лишь одно – более тонкое, как у всех пишущих и мыслящих индивидов, восприятие людей и ситуаций.

Мансур не имел тщеславных надежд и мечтаний, связанных с успехом творческой деятельности. Он вообще считал свое здесь нахождение нелепой, хоть и весьма интересной случайностью.

Так дни и проходили один за другим. К утру он отправлялся на занятия, к вечеру возвращался. В хостеле картина тоже особо не менялась. Поляк, как всегда, сидел за ноутбуком, Макс и Катя совершенствовали русскую речь первого, у Юли, будущего парикмахера, завязалось знакомство с агентом газовой компании одной из стран бывшего Союза, и они вдвоем сживали по вечерам на мягком диванчике в зале. Ту забавную Катю с бинтами на носу он после той первой встречи больше так и не увидел.

Мансур готовился к семинарам, читал книги с полки, изредка смотрел телевизор. Также по вечерам и в свободные часы он отправлялся гулять по Москве.

16

Глава 4

Когда Мансур по окончании московских курсов вернулся в Чечню, он был обычным безработным жителем Грозного.

Жизнь людей так устроена, что даже для самого ленивого, бездеятельного и скромного ее проживания требуются средства. Несмотря на отсутствие амбициозного настроения, являющегося двигателем человека к успеху в мирских делах, Мансур все же был вынужден подыскать себе новую работу, способную хоть немного покрыть его бытовые потребности.

И вот, как-то раз он сидел на лавочке в сквере в центре Грозного и просматривал объявления о вакансиях на своем телефоне. Был вечер, и в парке тускло горели белые шары фонарей. Легкое вечернее дуновение ветра разносило по всему скверу ароматы красных, белых и желтых роз. Шелестела листва берез и кленов. Предложений было полно, но пригодных для него совсем немного. Он отметил несколько объявлений и запечатлел их скриншотами, чтобы связаться с работодателями на другой день, так как уже было поздно.

Утром следующего дня Мансур стал звонить по номерам сохраненных объявлений. Первая вакансия была на должность преподавателя истории религий. Место уже оказалось занятым. Вторая – на замещение должности главного специалиста в муниципальном управлении образования грозненского района. Внизу объявления была приписка: «Можно без опыта работы». «А почему бы и нет?» – подумал он еще вчера, сохраняя это объявление. Набрал номер и позвонил. Трубку сняла девушка, представившаяся специалистом отдела кадров. Из разговора он узнал, что отбор

кандидатов на должность проходит на конкурсной основе и что за три дня до начала конкурса необходимо предоставить следующие документы: копии паспорта, диплома, свидетельства пенсионного страхования, свидетельства о постановке физического лица на учет в налоговом органе, а также медицинскую справку об отсутствии заболеваний, препятствующих службе в органе муниципалитета, трудовую книжку и многое другое

– Извините, – сказал Мансур, когда девушка зачитала ему этот список, – я не совсем понял, все эти документы необходимо предоставить уже после того, как одобряют кандидатуру участника?

– Нет, – ответила девушка и, как бы угадав его мысли, добавила: – Да, понимаю, но таковы правила.

Мансуру понадобилось несколько дней, чтобы собрать все нужные документы, после чего он отнес их в отдел кадров.

Документы у него приняла та самая девушка, с которой он говорил по телефону — главный специалист по кадровым вопросам. Проверив, все ли в порядке, она беспечно вымолвила:

– Хорошо. Конкурс состоится семнадцатого числа этого месяца, в десять утра. Постарайтесь не опоздать.

– А можно хотя бы приблизительно узнать, какие вопросы будут интересовать членов комиссии? – поинтересовался Мансур, чтобы иметь возможность хоть немного подготовиться и прикинуть свои шансы на успех.

17

– Федеральные законы сто тридцать один и двадцать пять, – ответила она, не отрываясь от своих бумаг. – Также можете посмотреть республиканский закон номер тридцать шесть «О муниципальной службе в Чеченской Республике».

«Бог ты мой, – подумал он, стоя в дверях и насмешливо глядя на нее, – как же они так живут? Изо дня в день на протяжении всей жизни». И, выходя, он также мысленно

добавил: «И я теперь претендую на подобную роль».

Уже на этом этапе невзлюбив работу, куда он собирается устроиться, он немного пожалел потраченного времени и усилий на сбор документов. Дальше им двигали только интерес и уже предпринятые шаги. Вернувшись домой, Мансур поочередно вписал в строку поисковика указанные законы. Гугл выдал множество ссылок, начинающиеся с наименования закона:

«Федеральный закон от 06.10.2003 № 131—ФЗ „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“». Он кликнул по одной из них. Раскрылись главы и статьи закона, поясняющие значение термина «Самоуправление».

«При помощи местного самоуправления, – говорилось в пояснение к закону, – люди, проживающие на определенной территории, могут реализовать свое право на участие в управлении государством».

– Гм, надо же! – иронически фыркнул он.

Далее в соответствующих главах говорилось об организации местного самоуправления, о его границах, функциональных обязательствах и видах компетенций различных его органов. Бегло пробежавшись по всему закону и поразившись, насколько в теории, столь разительно отличающейся от практики, все безупречно, Мансур закрыл окошко и вписал в поисковую строку другой, двадцать пятый закон: «Федеральный закон „О муниципальной службе в Российской Федерации“ от 02.03.2007 № 25—ФЗ». В этом законе говорилось о правах, обязанностях и запретах муниципального служащего. Он стал выборочно раскрывать статьи, по которым у членов комиссии, по его мнению, возникнут больше всего вопросов.

Так, в статье № 14 данного закона «Запреты, связанные с муниципальной службой» говорилось, что муниципальному служащему запрещается «заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц»

«Этот запрет, – подумал он, – наверно, касается низших звеньев данной службы, которые не имеют на это ни средств, ни возможностей».

Далее в статье, в перечне запретов, говорилось, что запрещается «получать в связи с должностным положением или в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических или юридических лиц». Также запрещается «принимать без письменного разрешения главы муниципального образования награды, почетные и специальные звания иностранных государств, международных организаций, а также политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений». Просто идеально! В статье № 12 «Основные обязанности муниципального служащего» он прочитал: «Муниципальный служащий не вправе исполнять данное ему неправомерное поручение. При получении от соответствующего руководителя поручения, являющегося, по мнению муниципального служащего, неправомерным, муниципальный служащий должен представить руководителю, давшему поручение, в письменной форме обоснование неправомерности данного поручения...» У него пропало всякое желание и дальше знакомиться с казуистическим текстом.

18

Когда он встал и вышел во двор, в калитку ворот вошел Юсуф, его племянник, который всю минувшую неделю провел у бабушки по матери. Они не виделись с тех пор, как Мансур уехал в Москву.

Глава 5

Завидев дядю, одиннадцатилетний Юсуф радостно подбежал к нему и крепко обнял.

– Ну, как тебе Москва? – спросил мальчик, когда они вместе направились в дом.

– Она большая и шумная, – ответил Мансур.

– Я бы тоже хотел туда поехать.

– Успеешь еще.

Между Мансуром и Юсуфом сложились особые отношения. Они были то как отец и сын, то как старший и младший братья, а иногда просто как два друга. С того самого дня, как Юсуф лишился родителей, почти всецело его воспитанием занялся Мансур. В то время как две бабушки и дедушка из чувств жалости и любви стремились исполнить все капризы ребенка, он, помня о наказе брата, всячески старался сделать из племянника личность, которой бы гордился его, Юсуфа, отец. Но у него не всегда получалось, так как мальчик многое унаследовал от своего отца, особенно упрямство и принципиальность, хоть и не смел открыто перечить дяде.

Однажды, когда Мансур вошел в комнату Юсуфа, тот быстро сунул телефон под подушку. Но было уже поздно, так как дядя успел его заметить.

– А ну-ка дай сюда, – сказал он строго.

– Что дать? – притворился Юсуф непонимающим.

Тогда Мансур подошел к кровати, на которой тот сидел, поднял подушку и взял телефон.

– Пожалуйста, не читай, – взмолился Юсуф. – Я все удалю и больше никогда телефон в руки не возьму, пока ты сам мне не позволишь.

Но Мансур уже начал читать – причем вслух – сообщения в чате Ватсапа, из которого мальчик не успел выйти.

– Надо же, «ты сегодня была очень красивой».

Юсуф, весь от стыда покрасневший, настойчиво просил дядю не читать дальше, и Мансур, пожалев его, вышел из чата.

– И вот этим вот ты занимаешься? – спросил он его укоризненно.

Племянник сконфуженно молчал.

– Это тебе Зулихан дала? – спросил Мансур, имея в виду бабушку по матери мальчика. – Отвечай, она дала тебе этот телефон?

– Да, она. Но я больше не буду

– Я ведь просил ее не давать тебе никаких телефонов. Если она еще раз даст тебе трубку, то вы больше друг друга не увидите, понял?

Юсуф в ответ кивнул.

– Так ей и передай. – Мансур вернул смартфон племяннику и сказал: – Напиши прощальное сообщение своей неотразимой Джульетте, удали здесь все и верни мне телефон. Больше ты его не получишь. – Он повернулся, чтобы выйти, но потом вдруг обернулся и сказал: – «Красивой» пишется через «а». Безграмотный ты, Ромео. Лучше книжки почитай, полезнее будет.

19

На другой день после этого случая, когда Мансур, его мать Мадина и Юсуф сидели за ужином, мальчик стал рассказывать, как смотрел в Ютубе у бабушки по матери видео про боевые действия в Чечне минувших лет, и сказал:

– Я тоже стану воином, как и мой отец.

– Тебе бы хоть мужества твоей матери, – улыбнулся Мансур.

– Мансур! – возмутилась мать. А потом, повернувшись к внуку, строго спросила: — Почему ты смотришь эти видео? Зулихан об этом знает?

– Нет, я смотрел втайне от нее.

– Ну и правильно Мансур тебе не разрешает телефоном пользоваться. Отныне я тоже не позволю.

– Ну вот, видишь, – сказал Мансур. – А ты еще ругала меня и не понимала, почему я против.

– Он не разрешает не потому, что я подобные видео смотрю, – сказал Юсуф.

– Нет, ты ни в коем случае не должен это смотреть, – возмутилась Мадина. – Не хватало мне, чтоб еще и ты этим увлекся.

– Ой, да брось, мам, – весело сказал Мансур, – его хоть расплавь и сплавь заново, воином этот бабник никогда не станет. Так что, не переживай.

– Я видел, как ты тоже общаешься с девушками, – сказал Юсуф, спокойно прихлебывая суп. – Значит, получается, ты тоже бабник.

– А ну-ка иди сюда! – крикнул Мансур, вставая из-за стола и подбегая к племяннику. Но тот, громко смеясь, уже успел вскочить из-за стола и выбежать из комнаты.

С улыбкой на лице возвращаясь обратно, Мансур сказал:

– Вот паршивец.

– Сам напросился, – улыбалась Мадина.

Юсуф знал, когда и как с дядей можно шутить, потому что тот ему иногда такую вольность позволял. Все остальное время он испытывал перед Мансуром благоговейный трепет, потому что Мансур был к нему строг, но справедлив и заботлив.

Глава 6

В указанное время, 17 мая, Мансур явился в администрацию на конкурс. Та самая девушка из отдела кадров, которая пару дней назад принимала у него документы, сообщила ему, что с минуты на минуту должны подъехать члены комиссии из правительственных работников.

– А пока, – сказала она, – можете посидеть в коридоре.

Он вышел в длинный коридор, стены которого были обшиты коричневыми фанерами. На дверях вдоль всего узкого прохода по обеим сторонам виднелись таблички с наименованиями отделов: «Отдел архитектуры и градостроительства», «Отдел бухгалтерского учета и отчетности», «Отдел организационной работы и контроля» и т.д. Тут было еще несколько кандидатов на должность главного специалиста: один молодой человек, смиренно сидящий на скамеечке; девушка, ведущая с кем-то увлеченную переписку, и еще один, наиболее занятый экземпляром. С зализанными волосами, одетый как неуверенный ботаник, один только вид которого бесит, забавляет и

20

вызывает жалость одновременно, он все ходил взад и вперед по всей длине коридора, держа в руке телефон, в котором беспрестанно заучивал законы 131 и 25.

Сначала читал он про себя, потом чтение переходило в громкий шепот, а уже после шепот прорывался в голос, далее снова про себя, шепотом и в голос, и так по кругу.

Мансуру стало совсем тошно. Но что-то пока еще удерживало его на месте.

Напротив стула, на котором он сидел, находилась дверь бухгалтерского отдела.

Сотрудница, выходя в эту дверь с кипой бумаг, локтем прикрыла за собой дверь и ушла, но толчок оказался недостаточно сильным, чтобы язычок замка защелкнулся, и дверь медленно покатила назад. Внутри находились остальные сотрудники. Мансур видел столы, заваленные канцелярскими принадлежностями, папками и бумагами, и даже мониторы компьютеров, что на них стояли, были обклеены стикерами для заметок, видел суету сотрудников, видел шкаф, заполненный множеством портфолио с различными названиями. Тем временем кандидат с зализанными волосами вновь приблизился к нему, с прорвавшимся в голос шепотом повторяя статьи закона. И тут Мансур не выдержал, вскочил с места и пошел прочь от этого бумажно-канцелярского безумия.

В третьем сохраненном объявлении была вакансия на социального педагога в школе-интернате для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Мансур, особо не надеясь на успех, позвонил по указанному номеру. Место оказалось

свободным. Его попросили подойти в течение дня на собеседование.

Час спустя он уже сидел в кабинете директора интерната.

Муса Сулейманов возглавлял интернат семь лет из своих пятидесяти трех. По образованию он был педагогом, но физически далеко не педагогического сложения: высокий, широкоплечий, голос грубоватый, взгляд пронзительно острый, в манерах же он был сдержанно учтив. Однако в самом начале разговора Мансур понял, что этот человек находится на своем месте.

Первым делом директор попросил соискателя коротко рассказать о себе: кто по образованию, где работал и так далее в этом роде. Мансур в лаконичной форме и хорошо поставленным голосом дал исчерпывающие ответы на все интересующие директора вопросы. Когда он закончил, наступила тишина. Было видно, что Мансур произвел на руководителя интерната благоприятное впечатление, и тот на миг о чем-то призадумался. Потом сказал:

– Знаете... Да, у меня есть вакансия социального педагога. Но в данный момент я больше всего нуждаюсь в воспитателе для старшей мальчишеской группы. Понимаете, социальный педагог должен работать каждый день, за вычетом двух выходных дней в неделю. Воспитатель же работает день через два. Зарплата та же. Для человека, который хоть немного знаком с психологией ребенка, особенно подростка, и имеет опыт работы с детьми, какой он есть у вас (Мансур рассказал ему о том, что после возвращения из Египта полгода преподавал в частной школе), в этом нет ничего сложного. И то, что у вас имеется духовное образование, является большим плюсом, потому что я надеюсь, что хотя бы Богом этих черт можно напугать и вразумить. Итак, может, вы лучше попробуете себя в качестве воспитателя? Что вы на это скажете? – И, 21

прежде чем Мансур успел что-либо ответить, Муса, чуть ли себя самого не перебивая, продолжил: – Принцип работы прост – следить за детьми и контролировать их: когда они играют, когда делают уроки и так далее. У них есть свой дневной график, и весь день расписан по часам: время подъема, утренней зарядки, туалетных процедур, завтрака, уроков, игр и так далее до самого отбоя. Есть только одна проблема: ребята очень сложные, – но при правильном подходе можно найти общий язык с кем угодно.

– Сказав это, он замолчал и вопросительно посмотрел на посетителя.

Мансура весьма впечатлил посменный график. «Значит, – думал он, пока тот говорил, – день отработал, два дня отдыхаешь».

Мансур принадлежал к тому редкому типу людей, у которых цели жизни не сопряжены с большими мечтами. Да и цели у него были весьма краткосрочные. Жизненные коллизии, постоянные непредвиденные обстоятельства и рок, вплетенные в саму ткань его судьбы и потому время от времени резко и непредсказуемо менявшие ход его жизни, приучили его не слишком увлекаться планированием своего будущего.

Иногда, когда он уединенно предавался размышлениям, его посещала мысль написать книгу, и у него в голове, когда он начинал развивать эту мысль, рождались идеальные сюжеты из жизни. Он несколько раз даже принимался кое-что писать, чтобы воплотить большую задумку в жизнь, но потом, от нехватки должного энтузиазма и серьезного отношения к писательству, бросал. Он слишком многое в этом мире не уважал, чтобы что-то из того, чем другие занимаются с завидным увлечением, могло пробить стену его внутреннего безразличия. Однажды один знакомый сказал ему:

– Ты невероятно умный и талантливый парень, который разбирается в людях намного лучше, чем они в самих себе. Ты мог бы стать кем угодно, но кажется, что ты выбрал стать никем. Почему?

– Талант, – отвечал Мансур, – это всего лишь фундамент, на котором, посредством неимоверного труда и усилий, воздвигается здание успеха...

– Но что тогда тебе мешает воздвигнуть это здание? Неужели лень? – нетерпеливо спросил тот.

Мансур улыбнулся и ответил:

– Лень преодолевается с помощью определенных усилий. Но, чтобы приложить эти усилия, нужно иметь соответствующее желание, которого у меня нет.

– Но почему нет?

– Наверное, потому что я слишком рано разочаровался в людях и жизни, чтобы желать себе почестей или жизненных удобств.

Но это, конечно, вовсе не значило, что он жил жизнью совсем беспцельной и бессмысленной, к тому же он осознавал свою ответственность перед настрадавшимися родителями и осиротевшим племянником.

Мансур делал то, что хотел, считал правильным и нужным делать сейчас, с той, однако, долей учета опыта прошлого и перспектив вероятного будущего, который не позволил бы назвать его человеком безрассудным и глупым. Вместе с этим он всегда испытывал органическую неприязнь к системно-плановой работе с утра до вечера. Причиной тому были две: во-первых, внутри у него был хаос, не желающий примириться с внешними порядками, навязанными со стороны; во-вторых же, ему всегда было жалко своей жизни, так бесполезно и пусто, по его мнению, утрачиваемой на обязательной работе. «Планомерное самоуничтожение в течение целого дня» – именно так он это называл.

22

Ему нужно было свободное время, чтобы познавать нечто новое, читать хорошие книги, гулять в парках, размышлять в уединении. Ему хотелось по-своему наслаждаться жизнью, в безмятежной свободе созерцая окружающие предметы бытия.

И именно работа, считал он, в особенности работа нелюбимая (а любимой профессии у него как таковой и не было), с плотным графиком, лишает его, равно как и всякого другого, этой возможности.

Именно из этих соображений предложение директора ему и показалось заманчивым.

– С детьми я, конечно, работал, – сказал он после небольшой паузы. – Но дети тоже бывают разные, тем более вы говорите, что они особенно сложные. Но давайте посмотрим, что из этого выйдет.

– Безусловно! – живо подхватил Муса. – У нас испытательный срок – два месяца, и если в течение этого времени нам работник не подходит или если его что-то не устраивает в нас или в работе, мы расходимся. Но я хочу вам вот что сказать... – Он выдержал значительную паузу с задумчивым выражением лица, что призвано было донести до слушателя важность того, что будет за этим сказано. – Это действительно сложные дети. Столь сложные, как и сама их жизнь. У них не было нормального воспитания в здоровой семье. Они неоднократно переживали стрессовые ситуации: сначала внутри проблемной семьи, потом, когда семья эта распалась по причине то ли развода, то ли смерти одного или обоих родителей, а потом еще и когда сюда попали – в совершенно новую для себя среду. Родились они в военное и послевоенное время, соответственно, на молодые годы их родителей пришлось две продолжительные войны, то есть я хочу сказать, что это пострадавшие дети пострадавших родителей. И еще, вот что: я не хочу, чтобы они тут привыкли к человеку, а этот человек потом вдруг внезапно исчез. Это их тоже травмирует. Воспитатели для них – как отец, мать, старший брат или сестра. Знаете, тут есть такие никчемные работники, которых бы я давно отсюда вышвырнул, но которых терплю только потому, что дети к ним привязались. Не подумайте, – опередил он быстро Мансура, видя, что тот хочет что-то сказать, – не подумайте, что я требую от вас навсегда тут застрять. Ни в коем случае! Право

человека искать себе лучшее место всегда остается за ним. Но просто хотелось бы, чтобы вы это тоже имели в виду. И да, для меня в испытательном сроке важнее всего является то, чтобы дети приняли своего нового воспитателя. Если уж они никак не захотят принять вас, то они обязательно изыщут способ вас выжить. И уж я тут, поверьте, совершенно беспомощен. И поэтому, повторюсь, очень важно, чтобы вы нашли с ними общий язык.

– Это же не значит, – сказал Мансур, – что я должен потакать их прихотям?

Директор многозначительно улыбнулся:

– Я вам не сказал главного. Их предыдущего воспитателя я уволил буквально вчера. Именно на его место я вас и рассматриваю. – Он замолчал, ожидая, что Мансур задаст ему вопрос о причине увольнения того работника, но, так его и не дождавшись, задал его сам: – А знаете, почему я его уволил?

– И почему же вы его уволили?

– Он был слишком слабохарактерен и безволен, – тут же сказал Муса. – Человек тихий, спокойный, и дети его ни во что не ставили, понимаете? А это оказывает на них деструктивное влияние. И меня это, разумеется, не устраивает. Если воспитатель не может добиться должного уважения и требуемого послушания к себе от своих воспитанников, то мне такой работник и даром не нужен. Какое он может дать им воспитание? Такого самого надо воспитывать. Я искренне люблю этих детей, жалею их,

23

пытаюсь уделить им внимание не меньше, чем своим собственным детям. Но паршивцы они, скажу я вам, каких еще поискать. Они весьма тонкие психологи. Очень чутко чувствуют и весьма хитро прощупывают новичка. И если вы с первого дня себя не поставите на должный уровень, то более вам никогда над ними не совладать. Будьте строги до границ жестокости, но справедливы и заботливы, как милосердный святой. Сразу вам говорю, друг на друга они не стучат, ни за что своих не сдают. Так что, в выявлении нарушений и нарушителя вам придется уповать только на себя.

Директор замолчал и пристально посмотрел на Мансура, который понимающе слегка кивнул.

И потом Муса продолжил:

– В этой группе есть несколько особенно сложных и упрямых ребят: Салях, Тимур и Алихан. В первый же день, если хоть одним словом начнут вам перечить, можете немножко потрясти их. Только не перед камерами. Они у нас установлены во всех основных помещениях. Побои, разумеется, не разрешены, особенно такие, которые причиняют вред здоровью. Этого я и сам не позволю. Но наказание должно быть неумолимым. Если не будет дисциплины, нам тут и делать нечего.

В итоге Мансур сказал, что готов попробовать, и директор, позвав своего заместителя, женщину лет сорока, поручил ей ознакомить нового работника с его должностными обязанностями.

– Муса Ахмедович вам, наверное, уже говорил, что дети трудные. И это действительно так, – сказала замдиректора Сацита Идрисовна, когда они направлялись в детский корпус. – Будьте с ними крайне строги, не давайте спуска, иначе сядут вам на шею и не слезут.

Они вошли в двухэтажное здание и зашагали вдоль длинного коридора, устланного белой керамической плиткой.

Она сказала:

– Вон там, в конце коридора, у нас столовая. В учебное время подъем ровно в семь. На заправку постели и туалетные процедуры отводится пятнадцать минут.

Затем они прошли в столовую, где пол, а также стены до середины были покрыты

белым кафелем, в три ряда стояли белые столы и стулья, на стене висели детские рисунки различных мотивов: от идиллической семейной жизни до сцен военных битв. Везде была сверкающая чистота.

Они вышли из столовой и через коридор направились в другое помещение.

– Это у нас класс, – сказала Сацита, когда они вошли. – Ребята все в школе, поэтому пока тут никого нет. Здесь они делают домашнее задание и проводят свой досуг. Как видите, везде порядок и чистота. Этому мы уделяем особое внимание.

Мансур огляделся. Действительно, везде был полный порядок, несовместимый с той нелестной характеристикой, которую здесь давали воспитанникам. По левую сторону сразу после входа, во всю стену чуть ли не до самого потолка, стоял большой стеллаж с открытыми квадратными полками-ячейками, внизу каждой из которых были приклеены ярлычки с обозначением фамилии и инициала каждого из воспитанников. На полке каждой ячейки покоились аккуратно разложенные учебные принадлежности: книги, тетради, пеналы и так далее. На самом верху была одна сплошная длинная полка, заставленная художественными и научно-познавательными книгами. Пол был устлан

бежевым ковролином. Благодаря свету, который свободно проникал из двух окон, в классе было светло. Вдоль стен были расставлены несколько парт. Справа на подставке стояла плазма. А напротив, в углу, находилось рабочее место воспитателя —
24

стул и темный лакированный стол, на котором лежали разные журналы. Прямо над столом висел натюрморт. Также в классе были диван и два кресла.

– Ваша должность подразумевает и немного бумажной работы, – сказала Сацита, подходя к рабочему столу. – Вот эти журналы. – Она поочередно положила перед ним три журнала, зачитывая вслух название каждого из них: – «Журнал наблюдений за детьми», «Журнал учета воспитанников», «Журнал приема и передачи смен». Затем она пояснила, чем и как их надо заполнять. В них воспитатель-сменщик должен был отражать следующую информацию за прошедший день: кто как себя вел, сколько человек присутствовало, данные и роспись опекуна, забравшего ребенка домой, как в целом прошла смена, кому и какие замечания, примечания, пожелания и т.д. Вся эта информация уходила к заведующему отделом, психологам, социальным педагогам, на основе которой они вели наблюдение за воспитанниками и могли корректировать рабочий план – индивидуальный или групповой – в зависимости от поведения того или иного ребенка и всей группы в целом.

– А вот тут, – она указала на стенд, висевший тут же на стене, позади воспитательского стула, – тут, как вы видите, графики: график дежурства – кто, где и когда дежурит; график кружковых занятий: конструктор, занятия у психолога, логопеда, спортивные занятия. Также время подъема, завтрака, обеда, полдника, ужина и отбоя.

А вот это, – она указала на листик, приклеенный к стене справа у входа, рядом с которым висел термометр, – это у нас температурный листок, точно такой же имеется и в спальне, куда мы сейчас поднимемся. На этом листке надо отображать температуру в помещении утром и вечером.

Затем они поднялись на второй этаж. В просторном помещении в два ряда стояли аккуратно заправленные кровати. На двух противоположных концах находились две смежные со спальней комнаты – ванная с двумя кабинками туалетов, ширмой отгороженной душевой и тремя умывальными раковинами, также здесь стояли стиральная машина и корзина для белья. Комнатой на другой стороне была раздевалка со шкафчиками для личных вещей ребят.

Пройдя все эти помещения, Сацита сказала:

– Ваши сменщицы во время пересменки введут вас в курс дела по всем остальным

вопросам. Если что-то будет непонятно, спрашивайте, не стесняйтесь. А теперь вам надо пойти к секретарше Залине, она даст вам перечень необходимых документов, которые вам нужно будет принести.

– Когда я приступаю?

– Завтра же. Ждать времени нет. Документы будете потихоньку доносить.

Глава 7

Вечером, сидя в кресле, откинувшись на спинку, Мансур вдруг вспомнил о Виктории. По сути, он о ней и не забывал. С момента его возвращения из Москвы прошло шесть дней, и за это время ни он ей, ни она ему ничего так и не написали. Впрочем, сам характер их тамошнего общения и не подразумевал, что кто-то кому-то должен что-либо писать после курсов или что один из них будет этого желать и ждать от другого. Да и писали они друг другу лишь тогда, когда сидели рядом, слушая нудную речь лекторов. И казалось, будто это отвлеченно-прерывистое общение имеет цель избавить их от сонливости и томления, иногда находивших на них в ходе очередного неинтересного

25

выступления мастера, и что в иной ситуации и месте в нем нет никакой нужды. Он взял телефон и без слов приветствия просто написал:

«На московских занятиях ваше общество спасало меня от гнетущей тоски. Так вот, я подумал, может, оно и сейчас избавит меня от занудства моих мыслей?»

«Лектора надо сменить, – вскоре написала она в ответ, сопроводив сообщение смайликом. – Ведь это, в отличие от московских занятий, в ваших силах. Ну или просто выпить чашечку крепкого кофе, как вы мне тогда и посоветовали».

«Да, но вам ведь кофе не помог».

«Тогда первое».

«Боюсь, это все же выше моих сил. Там-то я еще мог встать и уйти, но вот когда назойливый лектор сидит у тебя в голове, от него не избавишься».

«В таком случае, интересно, чем же я могу быть полезной?»

«Ваша полезность уже в действии. Как только вы заговорили, он умолк».

«Ваши проблемы так легко решаемы? Завидую».

Последнее сообщение она сопроводила двумя вертикальными полусогнутыми линиями, изображающими улыбку, на что Мансур ответил ей тем же.

Далее они стали обсуждать творческие планы. На вопрос Мансура о влиянии на ее литературную креативность столичных семинаров и лекций Вика ответила, что влияние, безусловно, имеется, но реализовать его пока мешает учеба.

«Сегодня, к примеру, конференция была, – писала она, – на которой мне довелось выступить. Так что, пока бегаю тут. У нас пять практик в этом году, это просто ужас. Причем это, как правило, всего лишь бюрократическая необходимость с множеством отчетных бумажек. Так что пока с художественным текстом приходится повременить».

Мансур поинтересовался, что это была за конференция и каковой была тема доклада.

«Ой, – ответила Вика, – я не знаю, насколько вам это будет интересно».

Затем она отправила ему снимок с печатным текстом, сопроводив его следующими словами:

«Это анализ текста – кусок доклада, который я читала о романе Нейпола „Ненастоящий“ про постколониальное сознание и попытки самоидентификации. Работа посвящена теме мимесиса в романе и особенности его художественной разработки. А конференция была в универе, на кафедре зарубежной литературы. С докладами в основном выступали магистры и аспиранты, много интересного было».

Далее она поведала про наиболее интересные, по ее мнению, работы.

Так, первая была про особенности перевода армянской поэзии на русский; вторая —

про мифологему «сомнительного дара»; третья – про японского писателя Юкио Мисиму, «которого называют последним японским самураем, потому что он покончил с собой публичным харакири, ну и потому, что в творчестве его были самурайские мотивы с налетом романтизма, как, собственно, и сам финал его жизни».

«Весьма плодотворная неделя».

«Наверно», – ответила она. А потом спросила о переменах в его жизни за ту же неделю.

«Моя неделя прошла в поисках работы, – ответил Мансур, – и вроде как поиски увенчались успехом, если приобретение нелюбимой работы можно вообще назвать успехом».

«Ну, – отвечала Вика, – если учесть, что поиск работы обычно обусловлен нуждой и если в результате такого поиска эта нужда удовлетворяется, думаю, это можно назвать успехом без кавычек».

26

Отправив ему это сообщение, она тут же написала второе:

«Даже не знаю, кому это я так высокопарно сейчас сказала: вам или себе самой?

Просто я тоже работу искала, и пришлось взять занятия с детьми по-английскому. Не самый лучший результат поиска, но и большего я, пока не закончу учебу, не могу себе позволить».

«У вас есть перспективы, дающие надежду на нечто лучшее».

«Не знаю, – ответила она, – перспективы это или же простая надежда».

Глава 8

В половине шестого утра Мансур отправился на работу. Беспокоевств никаких он не испытывал, несмотря на то что почти все работники интерната, с которыми ему довелось встретиться в это утро – от сторожа до поваров, – непрерывно внушали ему, что дети крайне тяжелые и неуправляемые.

– Будьте с ними строги, серьезны, не распускайте их шутивно-вольным обращением, установите в отношении них строгие рамки, иначе распустятся – не остановите, — советовали они ему.

Мансур прошел прямо в спальню на второй этаж, чтобы разбудить ребят.

Работники администрации приходили лишь к девяти, и потому Мансуре самому нужно было представиться детям. Вчера же после их возвращения из школы им только сказали, что у них теперь новый воспитатель.

Войдя в спальню, он вежливо разбудил всех и сообщил, что он их новый воспитатель. Никто, в сущности, ничего не ответил, но все встали относительно легко, заправили кровати, умылись и спустились на завтрак. Хоть они и выполняли просьбы нового воспитателя, но делали это так, будто его и не существует вовсе и распоряжения его выполняются лишь потому, что они соответствуют их собственным желаниям. Мансур это заметил и решил, что с ними надо будет провести беседу. После завтрака все собрались в классе, включили телевизор и, небрежно развалившись в креслах, улегшись на диване и коврике на полу, стали смотреть какой-то художественный фильм.

Мансур сел за свой рабочий стол и попросил выключить телевизор, сказав, что хочет с ними поговорить. Но его будто никто и не слышал. Он повторил просьбу, чуть повысив голос, но и на сей раз никто не шелухнулся. «Понятно», – подумал он и, спокойно подойдя к розетке, куда была воткнута вилка от шнура телевизора, выдернул ее, бросил на пол и встал перед телевизором. Теперь все уставились на него. Развалившимся на диване и креслах он велел спуститься на пол – так, сидя за своим столом, он сможет видеть их лица; но ему еще хотелось, чтобы эти маленькие негодяи, так вальяжно расположившиеся кто как, при этом нагло игнорируя его просьбу, сидели на полу, когда

он, заняв свое место, будет говорить. Двое нехотя поднялись и сели на коврик. Тогда Мансур еще строже повторил свой приказ. Встали и остальные, с презрительной миной на лице, и неохотно присоединились к сидящим на полу.

Остался один, Салях, самый старший в группе. На очередное требование Мансура он, пристально глядя ему в глаза, спокойно ответил:

– Чё ты тут орешь? Если тебе надо, иди сам усаживайся на пол. Я отсюда не встану. Мансур, взбешенный столь откровенной наглостью, рванулся к сидящему и, обеими руками схватив его за футболку на груди, оторвал от дивана и швырнул прямо на пол. Тот кубарем покатился по коврику.

27

Затем Мансур молча, ничего не говоря, вернулся к своему столу и опустился на стул.

– Ты что себе позволяешь?! Да кто ты вообще такой?! – Быстро вскочив на ноги, от неожиданности вдруг растерявшись и озлобившись, проговорил Салях, но тут же, еще что-то недовольно пробубнив себе под нос, опустился на пол, возмущенно дыша и фыркая.

Воцарилась тишина, взоры всех теперь были пристально устремлены на Мансура. «Вот это уже другое дело, теперь можно и говорить», – подумал он и, сам немного успокоившись, нарочито вежливо сказал:

– А теперь послушайте сюда, это, уверяю вас, в ваших же интересах. Меня зовут Мансур. Как вы уже знаете, я назначен на место вашего предыдущего воспитателя.

Вам, конечно, вовсе не так уж и безразлично знать, кто я и как буду вести себя с вами, хоть вы и пытаетесь меня игнорировать. Кто я, если это вам действительно интересно, вы немного узнаете по ходу нашей работы. А вот что касается того, каким я с вами буду, тут уж все зависит только от вас. Если я встречу в вас понимание и послушание, то я

буду вежливым, сострадательным, идущим вам навстречу настолько, насколько это мне будут позволять мои должностные обязанности. Сразу скажу, грубить вам, оскорблять чувства вашего достоинства, унижать, иметь к кому-либо из вас предвзятое отношение и требовать от вас непосильного я не стану. Итак, вы будете слушаться меня в том, что касается моих обязательств, и я не буду мешать вам делать то, что вы хотите и любите, пока это не будет касаться запретного. – Мансур внимательно оглядел всех, чтобы

убедиться, что его действительно слышат и понимают. Вроде все нормально, и он продолжил: – Но если я встречу в вас непослушание, упрямство, если увижу, что моя доброта воспринимается как признак слабости и вседозволенности, я вам тут жизнь отравлю. Каждый день моего прихода для вас будет сущим наказанием. Я не дам вам смотреть телевизор, не пушу во двор поиграть, запрещаю ходить в школу...

Мансуру еще вчера сказали, что запрет на посещение школы для них одно из самых больших наказаний, так как школа была их единственной возможностью на время, без сопровождения взрослых, покинуть интернат, вырваться из постоянного надзора и увидеться с другими детьми и нередко, прогуливая уроки, гулять по городу или посидеть в компьютерном клубе, играя в свои любимые стрелялки.

– Итак, – продолжал Мансур, – повторяю: от наших хороших взаимоотношений выигрываю и я, и в особенности вы. Ну, что скажете? Есть вопросы?

Несколько человек покачали головой, то есть вопросов нет.

– В таком случае, – сказал новоявленный воспитатель, – надеюсь, что мы с вами хорошо друг друга поняли. А теперь можете обратно включить ваш телик.

Один из ребят встал и пошел к розетке, а Мансур про себя решил, что не так уж с ними и сложно.

Он почти был уверен, что подчинил себе всех этих, как тут считали, необузданных подростков.

Но это были слишком поспешные выводы, в чем ему еще предстояло убедиться. День прошел относительно спокойно, и вечером, сделав соответствующие записи во всех журналах, он сдал смену и пошел домой.

Утром следующего дня, проснувшись, он лежал в кровати, уставившись в потолок. Определенных планов на день у него не было. Он лежал, и у него не было

28
пусто на душе, напротив, ему было хорошо. Если бы вся жизнь его до этого самого момента протекала таким образом, он, наверное, посчитал бы ее самой скучной и постылой, и она, эта жизнь, наскучила бы ему, как наскучивает она тем многим, кто вот так изо дня в день просыпается в своей кровати и бесцельно начинает очередной день, своим серым однообразием походящий на все те дни, что ему предшествовали. Но для Мансура эта «скука» слишком долгое время была роскошью, которую он не мог себе позволить.

Он лежал и отдыхал, наслаждаясь блаженным покоем, которого он был лишен многие годы; отдыхал, как на больничной койке мирного городка отдыхает слегка раненный на передовой солдат.

Однако спустя некоторое время лежать ему все же надоело. Вспомнив о Вике, он некоторое время думал о ней, а потом потянулся к тумбе рядом с кроватью, взял телефон и написал сообщение:

«Доброе утро. Проснулся давно, но все еще лежу. Устал в потолок смотреть. Вставать не охота. Подумал подумать о чем-то, но и думать было не о чем, или просто не хотелось о чем-либо думать. Вот решил вам написать. Повод? Его нет. А хотя разве отсутствие повода не является поводом? Наверно, это лучший из поводов, чтобы написать или позвонить человеку, с которым хочется о чем-то поговорить. Мы же не главы государств, чтобы писать или звонить только по случаю, правда? Или все же, считаете, случай необходим? Иногда просто хочется вывалить весь бред, что копится в голове, не утруждая себя поиском смысла того, о чем говоришь. Но не кому попало, конечно. Хотя это тоже не точно. А может, и точно, ведь не каждый способен наш бред понять. А с другой стороны, так ли это нам важно, чтобы наш бред, в котором мы и сами не можем толком разобраться, понял кто-то другой? Тоже вопрос. Ну ладно, чтобы это все-таки не выглядело каким-то абсурдистским бредом, задам самый „оригинальный“ вопрос, который только может задать человек человеку: как дела?»

Отправив сообщение, он положил телефон на кровать рядом с подушкой и продолжил бездумно разглядывать потолок. Через пару минут мобильник загудел от сообщения.

«Доброе утро, – отвечала Виктория. – Согласна, отсутствие повода поговорить при наличии желания является одним из самых важных поводов к подобного рода действию. А я тоже сегодня, проснувшись рано утром, долго лежала. Но потом все-таки незаметно уснула снова. А дела у меня хорошо. Готовлюсь к госэкзамену, который назначен на 25 мая. Там будут вопросы по всем знаковым авторам. Вот вчера как раз в дороге второй раз перечитала „Тошноту“ Сартра. Кстати, вы с утра формулируете вопросы прям как экзистенциалист. Все-таки не зря вас на семинаре сравнили с Камю. У нас как раз в последнем семестре курс по экзистенсу был, вот я и фокусирую на этом особое внимание».

«Экзистенциализм? Весьма интересно. И что же вас впечатлило больше всего из пройденного по этой теме?» – спросил Мансур.

Вика в ответ прислала аудиосообщение.

– Писать слишком долго, – послышался ее манящий голос, разбавленный легкой улыбкой. – Ну, впечатлило, можно сказать, все. Толстой «Смерть Ивана Ильича». Я

прям была под очень сильным впечатлением. И вообще, наверное, лучшее у Толстого, на мой вкус. И это тоже экзистенциализм. Я сначала думала, что просто умру, пока готовилась, так как они все атеисты же почти, особенно французы, и вот эта бессмысленность существования, тщета, абсурд, тлен и прочее. А я просто крайне эмоциональный читатель. – Она звонко рассмеялась. – Еще был предмет по 29

Фолкнеру и роман под названием «Когда я умирала». В то же время был еще и сдвоенный семинар: «Смерть Ивана Ильича» Толстого плюс Симона де Бовуар — «Очень легкая смерть», где эти произведения сравнивались на предмет описания смерти. Это и многое другое на данную тему я читала за неделю. Для меня это было крайне необычным открытием в мире литературы. Ведь до этого я читала в основном известные произведения классиков девятнадцатого века, ну и некоторые из современных – бестселлеров или рекомендованных к прочтению каким-нибудь журналом. А тут разом окунулась в такой беспросветный, сумрачный мир интеллектуалов, как правило, двадцатого столетия, отягощенных фактом самой жизни, неким бременем ее проживания. А я, как человек крайне любящий жизнь, не очень люблю думать о тяжести бытия и бремени смерти, – снова раздался ее прелестный смех. – Но эти произведения заставляют тебя заглянуть внутрь собственной жизни. Не совсем приятное зрелище, но все же, как по мне, весьма полезное. Мы когда только начинали, нам сразу сказали: «Только не берите мрак в тему диплома, а то закончите как Ницше – сойдя с ума».

Мансур слушал ее с особым восторгом. Смерть, думал он, как странно, что это пышущее молодостью и красотой создание, выросшее в условиях мира и не видевшее ужасов войны, читает о смерти, думает о ней, увлекается темой смерти и эмоционально ее переживает. Вся привлекательная ее наружность, жизнерадостная энергичность, душевно-интеллектуальная ненасытность к познанию и переживанию всего нового отвергала и сам намек на мысль о физическом тлене. Ни один человек, душевно склонный к депрессивным переживаниям, не мог бы думать о чем-то невеселом, глядя на нее. Она словно заряжала своей позитивной энергией, страстью к жизни и веселью того, кто находился рядом с ней, кто слышал ее или хотя бы имел возможность с ней переписываться.

И именно поэтому в этот самый момент, он почувствовал в ней какую-то особенную привлекательность и потаенное родство переживаний. Ведь смерть была лейтмотивом всей его жизни и основой многих его мыслей.

«В этой связи, – сказал он, – не могу не задать один личный вопрос. Если не хотите, можете и не отвечать».

«Спрашивайте».

«Верите ли вы в Бога?»

«У меня с этим, как у того же Толстого. То есть в детстве я верила в то, во что мне говорили верить. Потом, став подростком-бунтаркой, я верить перестала. Теперь я снова верю, но не совсем в то и не так, как раньше».

«Что-то вроде агностицизма?»

«Не совсем. Я все же больше склоняюсь к тому, что все это имеет какой-то смысл, выходящий за рамки жизни и потому находящийся вне пределов человеческого понимания. Так что я скорее верую, чем сомневаюсь. Хотя, не скрою, иногда и сомнения подкрадываются».

«А как вы думаете, человек верующий может быть подвержен экзистенциальному кризису?»

«Думаю, что может. Как раз Сартр разделил экзистенциализм на атеистический и

религиозный».

А потом она спросила его:

«А что, вы переживаете экзистенциальный кризис?»

30

«Не знаю. Меня не терзает глобальный вопрос смысла жизни, что является предметом немалых душевно-умственных мучений людей, обделенных верой и пытающихся исключительно разумом постичь тайны бытия или вовсе отрицающих наличие какой-либо тайны и смысла и этим еще более несчастных. Дисгармония моей жизни мне объясняется внутренним конфликтом с самим собой и с тем, что меня окружает».

«Кажется, – ответила Вика, – я вас понимаю».

В тот же день, этой беседой наведенный на размышления о смерти, он подумал об ушедших в мир иной. И решил после обеда с племянником посетить родовое кладбище. В последний раз они там бывали пару лет назад.

За последние несколько лет кладбище заметно разрослось. Свежие могилы лишь недавно похороненных людей мелькали там и здесь. Возле одной из таких одиноко сидела пожилая женщина. «Должно быть, – подумал Мансур, вместе с Юсуфом проходя мимо нее, – мать, схоронившая сына или дочь».

Вскоре они достигли двух ухоженных могил – две матери часто сюда приходили, вместе и порознь, – чтобы наведать одна сына и сноху, вторая – дочь и зятя.

Подойдя поближе, они оба почтено поприветствовали покойных.

– О чем мне следует им рассказать? – тихо спросил племянник.

– Ну, не знаю, – ответил Мансур. – Что хочешь, то и рассказывай.

– Но это ведь, – спросил мальчик, – должно быть что-то хорошее, что может их порадовать?

Мансур улыбнулся и, так же понизив голос, спросил:

– А у нас с этим проблемы, да?

– Да нет, почему это? – Юсуф вдруг перестал говорить тихо и уже нормальным

голосом сказал: – Я бабушке помогаю – как одной, так и другой. Недавно по

литературе получил пятерку, не говоря о физкультуре. Я исправно молюсь и на каждой молитве обязательно прошу за вас. – И он как-то вопросительно посмотрел на дядю, как

бы желая его одобрения.

Но Мансур лишь шепотом спросил:

– И это все?

Юсуф, не задумываясь, быстро закивал, мол, да, это все.

Мансур, увидев его растерянно-серьезные кивки, улыбнулся.

– Ладно, – сказал он, – это тоже неплохо.

Они стояли, и Мансур в очередной раз рассказывал племяннику о том, какими были его родители.

– Ты ведь не знал мою маму, верно? – спросил Юсуф.

– Нет, не знал.

– Но тогда откуда тебе знать, что она была хорошей?

– Мне достаточно, что ее любил твой отец, а она любила его. А уж его-то я хорошо знал.

– И потому, что она не вышла из дома в тот день вместе со мной, а осталась с ним?

– Этим она лишь доказала, насколько сильно его любила.

– Выходит, она его любила больше, чем меня.

31

– Она знала, что с тобой все будет хорошо. Если бы твоей жизни что-то угрожало, уверен, она осталась бы жить.

Юсуф сделал два шага вперед, присел, положил руку на могилу матери и сказал:

– Я не в обиде, мама, не в обиде. Ведь я знаю, что для тебя это было нелегко. —

Затем он повернулся к могиле отца и сказал: – Отец мой, я постараюсь вырасти таким, каким ты хотел меня видеть. – Потом он встал, отступил назад, постоял так немного, а потом, обращаясь к Мансуру, сказал: – Ты помнишь, как он ушел на войну?

– Конечно.

– Расскажи.

– Зачем тебе это?

– Я хочу знать.

Мансур помолчал с минуту, а потом, глядя на могилу брата, сказал:

– Это было осенью девяносто девятого, в начале Второй войны. Мне тогда было одиннадцать – столько же, сколько и тебе сейчас. Русские уже стояли на подступах к городу, и Грозный постоянно бомбила авиация. Люди в спешке собирали вещи и уезжали. Мы взяли все самое необходимое и загрузили тряпьем и скарбом наш старенький «Жигули», кое-что упрятали в небольшом подвальчике, что-то собрали в дальней комнате и заколотили дверь досками. Ничего из всего этого конечно же не уцелело. Прямым попаданием снаряда все было уничтожено... Мы решили покинуть город на другой день. Под несмолкаемой канонадой дальних взрывов, к которым все уже привыкли, мы улеглись спать. Перед рассветом меня разбудил твой отец. Родители спали в своей комнате. Он зажег свечу, так как электричества в это время в городе уже не было, велел мне сесть и послушать его внимательно. Я спросонья не сразу понял, что происходит, и, протирая глаза, присел на кровати. «Что, опять в подвал?» —

спросил я наконец, так как часто посреди ночи, когда бомбы начинали разрываться совсем близко, нас будили и мы все устремлялись в подвал. Мы с братом терпеть не могли такие моменты еще с первой войны и всегда просили, чтобы нас оставили в покое. «Нет, – ответил Мурад. – Теперь уже не бомбят». И я только тогда обратил внимание на абсолютную тишину. «Я ухожу на войну», – сказал он спокойно. «Что?» — спросил я удивленно. На что он ответил: «Мы с несколькими ребятами из нашего класса решили уйти на войну. Они скоро должны прийти». – «Я тоже с вами хочу», – сказал я как-то машинально. «Нет, – отрезал он, – ты должен остаться с родителями и помогать им. Если мы оба уйдем, это будет слишком тяжелым ударом для них». – «А ты им ничего не скажешь?» – спросил я. «Нет, – ответил он, – не скажу. Я тебя для того и разбудил, чтобы ты им сообщил об этом... Ну и чтобы попрощаться с тобой». Он подошел ко мне, я встал и мы обнялись. – Мансур почувствовал ком в горле.

Выдержав небольшую паузу, он продолжил: – Я рос вместе с ним... Ему тогда было семнадцать. Когда он вышел, я пошел вслед за ним. За воротами его уже ждали друзья. И они ушли, а я стоял и смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду в предрассветных сумерках.

Закончив рассказ, Мансур взглянул на племянника, который рукавом вытирал глаза.

Мансур положил руку ему на плечо.

Они молча постояли так некоторое время, а после мальчик сказал:

– Ну что, пойдём?

– Ты иди, я тебя догоню, – ответил Мансур.

32

Юсуф развернулся и, уходя, вместо того чтобы направиться прямо к выходу, повернул в сторону и стал бродить по дорожкам между могилами родственников, всматриваясь в имена и даты на надгробных плитах.

Мансур, наблюдая за ним, сказал:

– Можете радоваться и гордиться им. Он растет не по годам рассудительным и хорошим человеком. Конечно, иногда он неуправляем и упрям, но это же, – сказал он, улыбнувшись, – ваш сын.

Говоря это, Мансур стоял между двумя могилами.

Он присел и, слегка разведя руки в обе стороны, коснулся подножия двух земляных холмиков, под которыми покоились Мурад и Амина, и сказал:

– Надеюсь, что вы хотя бы там обрели покой и счастье.

Глава 9

На следующей смене, после завтрака, ребята сели смотреть фильм. Когда же он закончился, они пожелали выйти во двор, чтобы поиграть в футбол.

– Хорошо, – сказал Мансур, и они вышли, разбились на две команды и начали гонять мяч.

Когда приблизилось время обеда, Мансур крикнул всем зайти. Спустя пять минут, споря между собой (проигравшие утверждали, что те нарушали правила), они двинулись к входу. Кроме Тимура – он пошел к турникам. Воспитатель окликнул его и повторил требование, на что получил следующий ответ:

– Я зайду тогда, когда сам того захочу.

Мансур знал, что если даст спуску одному, то это станет дурным примером для остальных и последует цепная реакция непослушания, после чего он потеряет над ними всякий контроль. И он, посчитав, что парень заартачился из-за его, Мансура, высокого тона, необычайно мягко и вежливо повторил свою просьбу. Но и это не помогло – тот его просто проигнорировал. Тогда Мансур оставил его в покое и зашел вместе с остальными. Через полчаса, когда все уже кончили обедать, Тимур шел, беззаботно насвистывая какую-то мелодию. Мансур стоял в коридоре возле лестницы, где не было камер слежения. Когда Тимур со своим мелодичным свистом проходил мимо него, он резко схватил его и потащил под лестничную площадку, локтем придавив шею, прижал к стене и сказал:

– Видимо, мои слова до тебя плохо дошли. Так что же именно из того, что я сказал, тебе было непонятно? – Но тот не мог ответить из-за сдавленного горла. – Вижу, — продолжил Мансур, – по-хорошему с вами не катит, твари вы поганые. Вас что, надо бить и душить, что ли, паразиты чертовы.

Тимур совсем покраснел, глаза его неестественно вылупились, он, задыхаясь, хотел что-то сказать.

Мансур ослабил хватку, чтобы выслушать наглеца. Но тот, несколько раз откашлявшись, сказал:

– Ничего у тебя не получится. Убить ты не убьешь, потому что духу не хватит. Побить

– да, можешь, но это все, на что ты только способен. Будешь усердствовать, мы

33

министру пожалуемся, когда он сюда явится, пожалуемся в полицию, которая так же к нам частенько заглядывает. Инспектору по делам несовершеннолетних пожалуемся. — Говоря это, он тяжело дышал – дыхание его еще не восстановилось.

– Ну и что же ты собрался им сказать? Что вы плохо себя ведете?

– Да нет, – сказал паренек, глубоко дыша, – я скажу, что ты меня насильноковал...

Не успел он договорить последнее слова, как воспитательская ладонь со всего размаху врезалась ему в правое ухо. В ухе Тимура прогремел грохот, перешедший в продолжительный звон, из глаз полетели искры. Он упал. Мансур поднял его и влепил еще одну пощечину, он в яростном гневе тряс его, крича: «Что ты сказал? А ну-ка, повтори, что ты сказал?!», пока тот не зарыдал, бешеным криком прося оставить его в

покое. Остальные в классе все слышали: дверь была отворена. Мансур отпустил его, и тот упал на пол и громко, лежа под лестничной площадкой, заплакал. Воспитатель зашел в класс и как будто ни в чем не бывало прошел к своему столу и сел. В помещении стояла мертвая тишина, только из коридора эхом доносился заунывный плач Тимура, который вскоре перешел во всхлипывание. Все безмолвно уставились на экран телевизора. Шел какой-то художественный фильм, звук был почти на минимуме, но о фильме в эти минуты никто не думал. Мансур чувствовал, как у него гудит ладонь правой руки. Ему вдруг стало как-то не по себе. Но, думал он, как бы успокаивая себя, что ему еще оставалось делать? Разве был у него другой способ урезонить этого паршивца? Ведь если человек, даже если он подросток, не способен понять вежливого тона обращения, то с ним, хотя бы на начальном этапе, надо говорить на понятном ему языке. Да, конечно, это ненормально. Ребенок, понимающий только язык насилия, на этом выросший и таким образом воспитанный, и в отношениях с другими будет прибегать к подобным средствам. Но он, Мансур, постарается дать им правильное понимание вещей. А теперь же ему было просто необходимо поступить именно так, как он поступил, чтобы быть услышанным.

Всхлипывания в коридоре прекратились, обед Тимура остывал, и его вот-вот со стола уберут дежурные. Мансур было подумал пойти и поговорить с ним, попросить его пойти пообедать. Но он сдержал себя, решив, что это будет воспринято как проявление слабости с его стороны. Конечно, думал он про себя, он поговорит с ним, но сделает это чуть позже, когда это будет воспринято не как проявление слабости, а, напротив, как проявление сострадания к слабому. Однажды он где-то – в статье или в книге — прочел, что добрые слова наставления действуют на ребенка куда сильнее, когда они произносятся после небольшого физического наказания. То, что мягкость обращения, следующая за суровым наказанием, всегда имеет глубокое воздействие на психику не только ребенка, но и взрослого человека, он знал и на собственном опыте. Когда тебя несколько дней держат в подвале без еды, периодически, предварительно, для пущей эффективности, облив водой, подвергая пыткам электрическим током, а после, обессиленного, держа под руки, заводят в кабинет, где сидит один или несколько человек, обращающихся к тебе подчеркнуто учтиво и даже нежно, говоря, мол, ну зачем тебе все эти мучения, когда ты можешь просто сказать нам, где... когда... с кем... и пойти к себе домой, к своей семье и близким, после таких испытаний противиться этому нежному обращению бывает куда сложнее, нежели самим пыткам.

Подходящий случай поговорить с Тимуром ему представился где-то через час. Когда Мансур поднялся наверх, Тимур сидел на подоконнике и через окно смотрел куда-то вдаль. Как только вошел воспитатель, мальчик встал, подошел к нему и попросил

34
прощения, сказав, что он был неправ и что это больше не повторится. В его глазах не было и тени злобы или обиды.

Мансур немало удивился столь внезапной в парне перемене, которого он лишь час с небольшим назад хорошенько отлупил и который говорил ему гадости. Он про себя решил: либо душа у этого парня, при всей сложности характера, неизмеримо чиста и светла, либо коварство и наглость его не имеют предела.

Истина же находилась где-то посередине. К людям неизвестным, неуважаемым и нелюбимым Тимур был и нагл, и коварен. Но к тем, к которым он испытывал симпатию, любовь или уважение, в нем хоть и проявлялась сложность натуры, но все же с таковыми он был более или менее искренен и учтив.

Мансур сел на край кровати и усадил его рядом с собой. А потом сказал:

– Тимур, но зачем вы так? Я же вам еще в первый день говорил, что буду хорошо к вам

относиться, если вы будете относиться ко мне соответственно. Я разве прошу вас для себя что-либо сделать? Разве я не иду вам навстречу, когда вы чего-то хотите? Но я не могу позволить тебе или кому-то еще нарушать дисциплину. Вы вовсе не маленькие дети, чтобы этого не понимать. Ну, допустим, я закрою глаза на твои вольности, потом другому, который не считает себя хуже тебя, захочется так же поступить, а после и третьему... А я тогда здесь для чего? Ну не будет меня, будет другой. Жизнь так устроена – везде и всегда есть свои запреты. Я ведь тоже не могу делать все то, чего мне в голову взбредет, понимаешь? Мне люди этого не позволят, закон не позволит. Если у человека не будет рамок, запретов, им самим для себя установленных или установленных для него другими, он потеряется, он пропадет как личность, уподобившись животному.

– Да, я понимаю, – ответил Тимур, с виновато опущенной головой. – Это больше не повторится.

Но это, конечно же, повторялось, пусть и не таким образом. Но Мансур после этого случая дал себе зарок, что больше никогда не поднимет руку ни на одного из них и что если подобная ситуация повторится, то он просто уйдет с работы. Если же, решил он, непременно кого-нибудь из них надо будет наказать, он изыщет другие способы это сделать.

И все же приступы агрессивного неповиновения ребят повторялись, и ни сами они, ни Мансур с этим ничего не могли поделать.

Ему просто нужно было время, чтобы хорошенько их понять.

– Мне казалось, что я хорошо разбираюсь в детях и в людях вообще, но эти... — пожаловался он как-то матери за ужином. – С ними никакой метод не работает.

– Мансур, это же дети с покалеченной жизнью, – ответила Мадина.

– Но ведь и у меня детство не сахар было. Как, впрочем, и вся жизнь. Но вырос же нормальным человеком.

– Может, и они вырастут, у них же переходный возраст. А подростком ты тоже был не подарок.

– Ну, я-то хоть старших уважал.

– Но ты, в отличие от них, не рос беспризорным сиротой. Их воспитала сама неприглядная жизнь. Не они же выбрали себе такую судьбу, и ты должен это понимать. Будь с ними помягче, и они обязательно это оценят, может, и не сразу, но обязательно когда-нибудь они это вспомнят, и это станет для них примером.

– Примером чего, мама? Да они ничего не ценят.

35

– Примером того, какое влияние на человека способно оказать добро. Они чувствуют это влияние, просто не могут его пока понять и выразить. Я, как ты знаешь, потеряла свою мать в возрасте семи лет. Мне по сей день ее очень не хватает. Ее слова и наставления всегда с нежностью, теплотой и особым смыслом звенели и до сих пор звенят в моих ушах. А слова мачехи после нее, хоть тоже были полны доброты и смысла, я толком и не помню, это потому, что она не могла любить меня и быть ко мне столь доброй, как мать. Но все же у меня и отец был, и был он отцом хорошим и заботливым, да и мачеха меня не обижала. Но что со мной стало бы, не будь и их, я и представить не могу. А у них всего этого нет. Так что помни об этом, когда будешь с ними работать. Помни, что и они не могут тебя понять в той же степени, как и ты их. — Она замолчала, вздохнула, а потом сказала: – А теперь поешь, а то совсем остынет. И да, приведи их как-нибудь к нам на обед или ужин, я приготовлю что-нибудь вкусненькое.

Мансур, ответив «хорошо», поцеловал мать в висок и принялся за еду.

С тех пор, как не стало старшего брата, он с матерью был подчеркнуто мягок и вежлив. Эта потеря надломилась ее, сделала более чувствительной, а иногда и раздражительной – она могла легко обозлиться или обиженно заплакать. За те девять лет, что прошли с момента гибели старшего сына, Мадина совсем осунулась, внезапно состарилась, появились проблемы со здоровьем. Мансур уже давно понял, что, хоть и считается, что родители всех своих детей любят одинаково сильно, к некоторым они все же бывают особенно привязаны – то ли из-за жалости к слабым и нездоровым, то ли из-за некоего душевного единения, которое у одного из родителей бывает с тем или иным их ребенком. Такая привязанность была между старшим братом и матерью Мансура. Он никогда не забудет то мгновение, когда мать, словно умалишенная, сидя у изголовья лежащего на ковре все еще холодного тела своего любимого сына, которого недавно привезли из морга, покачиваясь взад и вперед, со стеклянными глазами, издавая странные звуки, наподобие тоскливого воя, проводила рукой по его лбу и волосам. В эту минуту она никого не слышала, не видела и вообще мало что соображала. В ней не было ни сил, ни здравого рассудка, чтобы просто осознать случившееся, биться в истерике и рыдать, как это в подобных случаях обычно делают другие матери. Она как бы сразу от постигшего ее несчастья лишилась всех чувств и способности что-либо понимать.

Мансур, видя ее в таком состоянии, не на шутку за нее испугался. Он подошел к ней, сел напротив – так, что голова покойного находилась между ними, – нежно взял ее опущенное лицо обеими руками, поднял и, смотря ей в глаза, спросил:
– Мама, ты меня слышишь?

Она странно взглянула на него, будто видела впервые, а потом, ничего не ответив, снова опустила голову и стала, как прежде, поглаживать своей нежной теплой рукой лоб и волосы мертвого сына, как в трансе раскачиваясь взад и вперед.

Глава 10

36

Мансур попытался наладить с ребятами отношения, внезапно сменив начальную строгость на участливую мягкость. Так, вскоре он начал приносить им мороженое, шоколадки, однажды купил и футбольный мяч, когда имеющийся у них лопнул. Им это доставляло некоторую радость, они благодарили его и даже как будто старались слушаться. Но потом при малейшей ситуации, их не устраивающей, они могли заупрямиться, обозлиться на него и воспротивиться всякой его просьбе, словно никакого добра от него и не видели. Такие моменты вызывали в нем невероятное раздражение и, как следствие, увеличивали его неприязнь.

И тогда он в отношении их снова принял прежний холодный тон.

Когда наступала его смена, он приходил рано утром на работу, будил их и так далее по графику до окончания смены. Ни фамилий их, ни имен, ни историй жизни он не знал, а теперь уже и не стремился знать. В основном он обращался к ним прямо, без имен: «Куда идешь?», «Иди сюда... Да, я к тебе обращаюсь. Подойди-ка»; а иногда, обращаясь к кому-либо, спрашивал: «Так как там тебя звали?» Заполняя журнал и отмечая присутствующих и отсутствующих, он тоже, произнося фамилии, был вынужден поинтересоваться, кто есть кто.

Он был в меру строг и сдержан, вступал в разговор с ними только по необходимости, как, впрочем, и они с ним.

Однажды во время утреннего дежурства у нескольких ребят возник спор. Те двое, которые должны были по графику дежурить в классе, отказывались это делать, говоря, что они несколько дней назад дежурили вместо других и что теперь те должны вернуть должок. Мансура никто и слушать не желал. И тогда он, доведенный до бешенства, собрал всех в классе и дал волю всему раздражению, что в нем копилось в последнее время.

– Я вас что, – кричал он, – прошу у меня дома порядок навести? Вы тут, черт бы вас побрал, живете! Это ваш дом! Вам трудно, да? Трудно дерьмо за собой убирать? Да что вам известно о трудностях! Дармоеды поганые! Вы живете на халяву! Чем вы заслужили то, что получаете? Вы хоть раз задумывались об этом? Какую и кому вы приносите пользу? Что вы из себя представляете? Какие вы видели сложности? Вы задавались хотя бы раз этими вопросами? Вы думаете, что у вас была сложная жизнь, да? Вы ночевали в темных и сырых подвалах, стены которых сотрясают бомбы? Вы терпели холод и голод? Вы засыпали с мечтой о куске вареного мяса? Ни черта вы не видели! И не надо мне тут жертвами судьбы прикидываться. Ни хрена, слышите, ни хрена вы не пережили и не знаете! Вас кормят, одевают, обувают. Единственная ваша забота – это жрать, срать и спать! Легкой жизни нет ни у кого. Мир за этими стенами суров, алчен, эгоистичен и жесток. Жалеть вас и уж тем более кормить и одевать там никто не будет. Думаете, все те, которые живут в собственных домах в кругу своих семей, счастливы? Черта с два! В мире миллионы гибнут с голоду, умирают на войнах, кончают жизнь самоубийством. На что вы рассчитываете? Кем вы завтра будете? Вы можете ответить на эти вопросы, которыми вам уже пора задаваться? Вот это и есть ваша задача, и никто, кроме вас, ее не решит. Ваше будущее, которое у вас наступит скоро, когда вы покинете эти стены, зависит только от вас. Но если вы думаете, что все

37

и всегда будут терпеть ваши прихоти, что вас всегда будут одаривать разными подарками, приглашать на всевозможные благотворительные мероприятия, устраивать для вас пикники и накрывать обильные столы, то хрен вам!

В конце он так разгорячился, что ударил по вазе с цветами, стоящей на столе, и та, отлетев, стукнулась об железную раму стула и рассыпалась вдребезги. Мансур вышел, и в классе раздался вопль оглушительной тишины, которая еще не скоро нарушилась обычными звуками.

Замдиректора, увидев эту сцену, переданную камерой в классе на монитор компьютера, стоящего у нее в кабинете, побежала к Мусе доложить о случившемся, на что тот сказал:

– Не будем мешать парню делать его работу. – И когда Сацита, выходя, открыла дверь, он окликнул ее и сказал: – Однако на всякий случай постарайся, как бы невзначай, узнать у ребят, что у них там произошло.

– Хорошо, – сказала она и вышла.

Еще вначале ребята в интернате представлялись Мансуре однообразной массой — неким воплощением упрямства, баловства и непослушания, с совершенно типичным у всех характером и укладом жизни, как внутренней, так и внешней.

Но с каждой его последующей сменой в этой единой массе он начал потихоньку различать личности и их индивидуальные особенности. К концу месяца, благодаря журналам, личным обращениям и тому, что он невольно слушал, как они обращаются друг к другу, он уже знал их фамилии и имена, начал видеть, кто что из себя представляет.

Так, к концу месяца уже выяснилось, что Хасан и Сайхан умеют прекрасно рисовать.

Шамхан и Алихан, обучавшиеся в 6 «Б», были двумя отличниками в классе; Ризван и Амирхан увлекались чтением художественных книг. У Тимура любимым предметом была биология, по которой у него стояли одни пятерки. В футболе мало кто мог сравниться с Умаром. Адам лучше всех играл в шахматы. Только один Аслан мало чем интересовался, но и в его качестве на все забивать и ничем в сущности не интересоваться было нечто особенное: он так забавно демонстрировал полнейшее безразличие ко всему и всем, так мало могло его что-либо увлечь, что это нелестное качество порою вызывало в Мансуре – с его пытливым умом – некоторую потаенную зависть. Он всегда испытывал это легкое завистливое чувство к людям, в которых напрочь отсутствовал порыв познать и испытать, хоть и жалел таковых за свойственную им глупость, пустоту и беспечность жизни.

Конечно, все эти увлечения и таланты ребят обнаружили ему не сразу.

Однажды, когда они находились в классе, он увидел, как Хасан, стоя напротив своей полки, перебирает какие-то карточки. Мансур спросил его, что это, на что тот ответил:

– Да так, ерунда.

И Алихан сказал:

– Это его карточки, на которых он нарисовал оружие из Варфейса.

– Можно взглянуть? – спросил Мансур, протягивая руку.

38

– Да это я так... – смутился Хасан, и Мансура позабавило это смущение, впервые наблюдаемое им на его лице.

Он принял у него из рук карточки, аккуратно вырезанные из белой альбомной бумаги. На них были изображены искусно нарисованные и разукрашенные различные виды огнестрельного оружия.

– А ты знаешь, как они называются? – спросил Мансур, внимательно разглядывая рисунки.

– Конечно, – гордо ответил Хасан, – могу хоть прямо сейчас их написать.

Он пошел обратно к своей полке, взял ручку и вернулся. Беря по одной карточке из пачки, он писал внизу название на ней изображенного вида оружия, возвращал карточку, брал другую и начинал писать. Мансур разглядывал рисунки, читая внизу: «Пистолет Five sever», «Автомат M16», «Пистолет Desert eagle», «Пистолет Sig sавere», «Снайперская винтовка Орсис-T5000», «Автомат Калашникова», «Пистолет Walther p99», «Пистолет Beretta M9», «Автомат Туре 97», «Дробовик Dp-12», «Снайперская винтовка Chey tac», «Дробовик Six-12», «Снайперская винтовка AC-50», «Снайперская винтовка Mak Milan», «Снайперская винтовка Steyr scout», «Снайперская винтовка Baretta M82», «Снайперская винтовка AX-308».

– Здесь не все, – сказал он, кладя перед Мансуром последнюю карточку. – Половину я отдал однокласснику.

– Хорошо рисуешь, – сдержанно похвалил его Мансур.

Видя, что воспитателю понравилось его творчество, Хасан, уже более раскованно, сказал:

– Ну, так-то у меня там еще есть. – И притащил целую кипу листов с самыми различными рисунками.

Кто-то из присутствующих сказал, что и Сайхан рисует не хуже, и тот по просьбе Мансура тоже принес свое творение. Рисунки у обоих были самые разные: от замысловатых надписей до спортивных машин, военных самолетов и людей. Мансур был приятно поражен их талантом, ведь они были самоучками, которые ни разу не были в художественной школе, и к тому же он ранее считал их неотесанными бездарями.

Вскоре после этого, когда они сидели в классе и смотрели телевизор, между ребятами

возник спор насчет фильма. Одна половина хотела смотреть боевик, другая — фантастику. Спор перешел в ссору, и начались перекрестные обвинения. Мансур отобрал у них пульт от телевизора и, сказав: «Не будет ни вам, ни вам», переключил на канал про животных. Шла передача о каком-то странном подводном существе, напоминавшем замысловатый кустик.

– Таитийская рыба-клоун, – сказал Шамхан.

– Что? – спросил Мансур.

– Удильщик, – молвил Хасан.

– Видишь эту штуку у нее над головой – произнес Ризван, – это, типа, ее удочка, в конце которой приманка в виде червячка. Так вот, она дергает этой приманкой, заманивает рыбу и, когда жертва приближается, хватает ее и проглатывает... Вот, смотри, сейчас... В этот самый момент удильщик начал трясти выростом в конце «удочки», после чего к ней приблизилась небольшая рыбка, которую он тут же и проглотил.

– Мы это уже видели, – слышался голос Аслана.

39

– Ну ладно, – сказал Мансур, и переключил на другой канал, где говорилось о медоеде.

Ребята стали наперед рассказывать то, что будет делать этот забавный зверек. Тогда Мансур начал переключать на другие каналы, на которых говорилось о разных планетах, странах, видах вооружений и военной техники и многое другое, и все это оказывалось ими уже неоднократно видно и знакомо.

– Да тут все равно делать нечего, – сказал Аслан, – вот мы и пересматривали все эти передачи... И те фильмы, о которых тут спорили (сам он в споре не участвовал), мы тоже видели много раз.

– А почему вы тогда спорите, если уже видели эти фильмы? – спросил Мансур.

– Потому что одним больше хочется пересмотреть одно, а другим – другое, – ответил Хасан.

В один прекрасный летний день Мансур без ведома администрации, чего делать было нельзя, вывел их за пределы интерната, повез в игротеку и целых два часа поиграл вместе с ними в их любимую игру – Варфейс. В эту игру он играл впервые, и ребята, поочередно подбегая к нему, крича со своих мест и – те, кто сидели рядом с ним, — наклоняясь к нему, подсказывали, что и как надо делать. На обратном пути они зашли в кафе, где он угостил их пиццей. В интернат они вернулись лишь поздно вечером. Это было в воскресенье, и работники администрации находились дома, за исключением одного дежурного.

Со временем между ними как-то незаметно образовалась связь, нашелся общий язык понимания. Дети незаметно прониклись к нему чувством уважения и любви. В итоге ему даже не нужно было их наказывать. Ему хватало просто игнорировать того, кто не слушался и плохо себя вел, это было для них самым большим наказанием.

Провинившийся не мог и одного часа выдержать, когда Мансур не говорил с ним, не отвечал на его вопросы и не реагировал на его шутки. «Ну извини, я больше не буду... Хочешь, накажи меня, вот тебе палка», – говорили они, пытаясь его развеселить и задобрить, протягивая ему ветку, сорванную с дерева во дворе. «Уйди с глаз моих», — отвечал Мансур серьезно, но те не отставали, пока не бывали прощены.

Сначала, когда он пришел сюда, ему было их жалко. Потом, видя их упрямство и скверный характер, к этой жалости прибавились злость и немного ненависть, а потом он их просто полюбил. Он понял, что в каждом из них, глубоко в груди, таилась поврежденная самой жизнью доброта.

Мансур изучил каждого и знал как их слабые, так и сильные стороны. Знал, кого что могло задеть, у кого из-за чего портилось настроение, и если он видел, что кто-то особенно не в духе, то велел другому делать то, что был обязан делать первый, говоря, что потом тот сделает это вместе него. Он знал, когда и о чем с каждым из них в отдельности и со всеми вместе надо было говорить и нужно ли вообще что-либо говорить.

40

Глава 11

«Как там твои хулиганы поживают?» – написала ему как-то Вика.

К этому времени они уже перешли на «ты» и общались в чате Ватсапа.

«Вроде пока нормально, – отвечал Мансур. – Мы пошли на мировую, но мир наш, как правило, весьма хрупок. А как поживают твои цветы жизни?»

«О, насчет цветов! Мне одна девочка шести лет от роду сегодня принесла ромашку и торжественно вручила. Я взяла цветок, поблагодарила ее и сунула ромашку себе за ухо. Она внимательно посмотрела на меня и сказала: „Прям как карандаш у строителя“. Вот так вот, – писала она, улыбаясь, – одной короткой фразой вдребезги разбила весь мой романтический образ».

Затем у них речь зашла о том, какими они сами были детьми и подростками.

«Я была безумным подростком», – сказала Виктория.

«И в чем же проявлялось это безумство?» – поинтересовался Мансур.

«До лет четырнадцати где-то я была девочкой-паинькой, меня ставили в пример остальным ученикам в классе, я была отличницей. Но потом уже понеслось. В пятнадцать сделала татуировку – уроборос на правом плече, – пирсинги еще, синие волосы. Уроки в школе стала прогуливать, были двойки в четверти – короче, как и многие подростки, была подвержена идеям саморазрушения. Но потом, к восемнадцати годам, снова случился какой-то сдвиг, и я уже стала не такой безумной».

«Или просто безумство стало более изощренным, подспудным и контролируемым?» — улыбнулся Мансур.

«Возможно», – ответила она, возвращая ему улыбку.

«Главное, – заметил Мансур, – чтобы это потаенное безумство не было следствием трудностей с самоидентификацией в гуще людских масс».

Вика была поражена столь тонко и точно подмеченным качеством ее души. «До чего же верный диагноз, – подумала она. – Это случайность или он и в самом деле сумел так хорошо меня познать за столь короткое время?»

Она по жизни была человеком настроения. Ее поведение, в зависимости от расположения духа, ситуации и окружающих ее людей, очень часто имело крайне противоречивое проявление. Никогда не теряя трезвости мысли и выказывая окружающим веселость и радушие, внутри у нее происходили частые колебания, относительно того, с кем и как ей надобно себя вести, словно она примеряла виды характеров и поведенческого стиля, как наряды, не зная в точности, какой именно надобно носить на нескончаемо-разнообразных балах этого мира. Это следовало не столько от нерешительности ее натуры и беспокойства души, сколько от не совсем осознанного желания найти то универсальное в поведении, примиряющее все противоположности того, что есть в ней и окружающих ее людях. Но все было как-то не то, и в результате она порою теряла вкус ко всему, и многое ей, в том числе люди и даже она сама себе, быстро надоедали, вследствие чего и отношение ее к людям и самой себе менялось довольно часто.

Безусловно, она понимала, что в какой-то степени так бывает со всеми. Но все же бывают такие натуры, у которых всегда, за редким исключением, наблюдается один

ярко выраженный оттенок самовыражения, у которых есть гармония в характере и внутренних переживаниях. Она же таковою не была, но таковым завидовала.

41

Когда люди, недавно познакомившиеся, начинают общаться и один вдруг подмечает в другом предмет его тайных переживаний, с которыми тот никогда не делился ни с кем, в этот самый момент между ними протягивается какая-то особенная нить, связывающая этих двух существ. Именно у таких людей, у которых есть схожесть внутренних переживаний, после первых же минут и часов общения появляется ощущение, будто они знакомы очень давно.

Это была не первая подспудная тонкость натуры, подмеченная Мансуром в личности Виктории за время их общения. И каждое подобное замечание являлось своего рода искоркой, которая внезапно и по-особому привлекательно освещала для нее этого человека.

«Да, есть такое, – сказала она после недолгой паузы. – Я иногда могу видаться с очень большим количеством людей и именно активно общаться несколько дней подряд, могу быть на позитиве, смеяться и танцевать, но потом мне бывает нужен день или два абсолютной тишины и одиночества. В это время я ухожу в себя и не отвечаю даже на звонки и эсэмэски. Силы отнимает какая-то неведомая, беспричинная депрессия, которая внезапно наваливается на меня. И появляются какие-то нездоровые психологические и даже философские вопросы, на которые я не могу ответить и которые меня нередко пугают. Я не могу себя определить, как не могу и определиться с тем, что вне меня. Мне хотелось бы в себе, в своих желаниях, планах и мечтах разобраться раз и навсегда, разобраться в людях, разобраться в том, как мне с ними себя вести. Но пока, увы, мне это не удастся. Но мало кто по моему поведению может заключить, что я томима подобными глубоко личными вопросами. И очень странно, что ты это подметил».

«Сложность и безумство свойственны практически всем людям, – сказал Мансур. — Просто, каждый пытается это скрыть, чтобы люди не посчитали его ненормальным».

«А ты безумен?»

«Думаю, что да... Да, в каком-то смысле я безумен – чуть больше, чем большинство людей».

Так они пообщались до полуночи, как и в предыдущие дни. И каждое такое общение усиливало в них интерес и влечение друг к другу, выявляя типичность их внутренних переживаний и тем самым сближая их все сильнее и сильнее.

Они уже знали, что со временем их отношения будут лишь крепнуть.

Это потому, что они поняли, что интересны друг другу, что это всего лишь начало чего-то такого, что будет иметь продолжение. Но ни он, ни она пока не могли предвидеть, к чему все это приведет. Но сейчас это и не было важно. Сейчас им было просто хорошо.

«Тебе завтра в универ?» – спросил он ближе к полуночи.

«Да. А тебе на работу?»

«Да, – ответил Мансур. – Ну что ж, не буду тебя более мучить. А то, мало ли, проспичь и потом будешь меня добрым словом поминать. Спокойной ночи!»

«Да нет, все нормально. И тебе добрых снов».

Он вышел из сети, вслед вышла и она. С минуту полежав в постели под приятными впечатлениями, он не удержался и снова зашел в сеть, чтобы посмотреть, в онлайн она или нет. Как только он зашел, она тоже появилась в чате – по той же причине, по которой здесь появился он.

Мансур молча наблюдал за ее онлайн, думая, общается она с кем или делает то же самое, что и он, то есть просто следит за ним. Она, понаблюдав немного за его

онлайн с теми же мыслями, вышла, но через пару секунд снова появилась. Мансур
42

начал ей набирать. Увидев это, она вышла из чата, но осталась в сети. Она не хотела, чтобы его сообщение сразу же отметилось как прочитанное, потому что не хотела

показать, что она им впечатлена и следит за ним. Специально немного выждав, она открыла его сообщение. Он написал: «Ты все еще здесь?».

«Да, – ответила она. – Но уже выхожу. Тебе не спится?»

«Да нет, я тоже уже собираюсь спать. И еще раз добрых снов».

«А может, встретим рассвет, желая друг другу приятных снов?» – шутливо спросила она.

«Думаю, – отвечал он, – что дело к тому и идет. Ну все, теперь точно иду спать. Хороших снов».

«И тебе снов приятных».

В начале их более серьезного и интенсивного общения преобладали темы литературные или околотитературные, в процессе обсуждения которых, как это обычно и бывает, произошло незаметное сближение, прошла скованность. И разговор потихоньку стал перетекать к жизненно-личным вопросам, сходя с пути академических тем.

Прошел тот сдержанный стиль общения, который бывает на начальном этапе знакомства и который призван нащупать почву на предмет наличие точек общего внутреннего соприкосновения.

Однажды, когда Вика, со своим манящим голосом и завораживающей манерой говорить, в аудиосообщении рассказывала одну из историй, которая с ней приключилась в Америке, Мансур, продолжая слушать, послал ей смайлик – сердечко, а потом следующим сообщением написал: «Это не сердечко».

«И что же это тогда?» – спросила она, улыбаясь.

«Это не трубка», – написал он в ответ.

«Эй, я ничего не понимаю и оттого чувствую себя глупой. Не развивай во мне этот наихудший из комплексов неполноценности».

«Ну как же? – отвечал Мансур. – Ты не можешь не знать художника-сюрреалиста (к которым ты, в отличие от меня, питаешь особую симпатию) Магритта, написавшего курительную трубку, под которой сделал надпись: „Это не трубка“. Ну, типа, не трубка, а лишь ее изображение. Вот и я говорю, что это не сердечко, а всего лишь смайлик, изображающий сердце».

«А-а, – сказала она. – Да, конечно! Рене Магритт! Просто я сейчас туго соображаю.

Эта картина называется „Вероломство образов“. Я видела ее в Музее искусств в Лос-Анджелесе и, более того, посещала отдельно Музей Магритта в Брюсселе».

«А я было уже начал радоваться, что ты не знаешь хотя бы одного известного автора, который пишет всякий бред».

«В видимом бреде иногда может быть сокрыт большой смысл», – ответила она, как будто задетая его словами.

«Тут, мне кажется, дело внушения и широты фантазии самого созерцателя. Это как с теми безвредными и бесполезными пилюлями, которые психологи, исследуя силу самовнушения, раздали больным, сообщив им, что это уникальнейшее лекарство от их
43

болезней. По истечении некоторого времени, в ходе которого больные регулярно принимали эти пустышки, у них наблюдалось значительное улучшение».

«Но даже если так, то какая разница, на самом деле они были полезны или нет, если

людям от них стало лучше? Также и в искусстве, ведь не всё и не все способны вызвать в человеке восхищение».

«Я это лишь к тому, что человек сильно уязвим и зависим от других, будь то вера, вкусы или предпочтения».

«Значит, ты допускаешь, что и ты, как человек, под воздействием определенного влияния можешь перестать видеть в „брёде“ бред?»

«Конечно допускаю».

«И в этом, ты считаешь, заключается изъян человека?»

«Нет, в этом его прелесть».

«В глупости, по-твоему, сокрыта прелесть человека?»

«Не в глупости, а в несовершенстве».

Глава 12

Как правило, на первых парах знакомства мужчины и женщины их мало волнует опыт былых друг у друга отношений. Но по мере усиления взаимного чувственного влечения этот интерес – интерес к тому, кто у него/ нее был до меня, каким он/она был/была и что стало с этими отношениями, – растет и усиливается пропорционально зарождающимся чувствам. Особенно это начинает волновать, когда партнер хорош собой, привлекателен, умен, то есть когда в нем присутствуют качества редкие и ценные. В этом случае каждый из них начинает задаваться вопросами, типа: «Почему же столь потрясающий человек до сих пор один и чем я так примечателен/примечательна, что смог/смогла его/её заинтересовать более, чем другие? Что же этот человек нашел во мне такого, чего не смог найти в других? Может, у него есть какая-то ужасная тайна, которая отпугивает от него тех, кто более близко с ним знаком?» Но при таких вопросах каждому из двоих все же хочется верить, что этот человек нашел в нем нечто особенное, что сам он все же чем-то уникален и что тот просто смог эту уникальность разглядеть.

И все же под конец один задает другому прямой вопрос о его прошлых отношениях. И первым, кто нарушил негласное молчание на тему обоюдного интереса, был Мансур. И Вика рассказала ему во всех красках и подробностях историю своих последних отношений, которые закончились лишь пару месяцев назад.

Его звали Андрей, был он из обеспеченной московской семьи. После школы родители отправили его учиться в Великобританию. Он окончил Оксфорд и остался жить в этой стране. Теперь он работал менеджером в крупнейшем хеджевом фонде, офис которого располагался в одном из элитных небоскребов финансового центра Британии – в Сити. Знакомство их произошло в Лондоне больше года назад во время баскетбольного

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.